DRAGON AGE™

ИМПЕРИЯ МАСОК

• ПАТРИК УИКС •

BioWare™

Dragon Age

Патрик Уикс

Dragon Age. Империя масок

«Азбука-Аттикус»
2014

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уикс П.

Dragon Age. Империя масок / П. Уикс — «Азбука-Аттикус», 2014 — (Dragon Age)

ISBN 978-5-389-17071-1

«Dragon Age» – популярная компьютерная игра в жанре темной фэнтези, завоевавшая множество наград. Селина заняла трон Орлея благодаря своему изощренному и безжалостному уму. И вот теперь самую могущественную империю грозят разорвать внутренние войны – храмовники враждуют с магами, бунтуют угнетенные эльфы. Чтобы спасти Орлей, Селина должна удержать власть любыми средствами. Великий герцог Гаспар выиграл множество сражений для своей императрицы. Но когда ослабевает Круг и нарастает хаос, у Гаспара возникают сомнения в том, что Селина способна выполнить свою миссию. Возможно, чтобы снова сделать Орлей сильным, пора возвести на престол нового вождя, живущего по Кодексу шевалье. Бриала служила у Селины камеристкой с тех пор, как обе были детьми, и пользовалась своим положением, чтобы улучшить жизнь эльфов Орлея. Но политика вынуждает императрицу сделать выбор между правами эльфов и орлесианским троном, и Бриала должна решить, кому она на самом деле предана.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-17071-1

© Уикс П., 2014
© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

Благодарности 7
Глава 1 8
Глава 2 24
Глава 3 34
Глава 4 45
Глава 5 57
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Патрик Уикс
Dragon Age. Империя масок

Patrick Weekes
Dragon Age: The Masked Empire

© 2014 by Electronic Arts, Inc
© Т. Н. Кухта, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

* * *

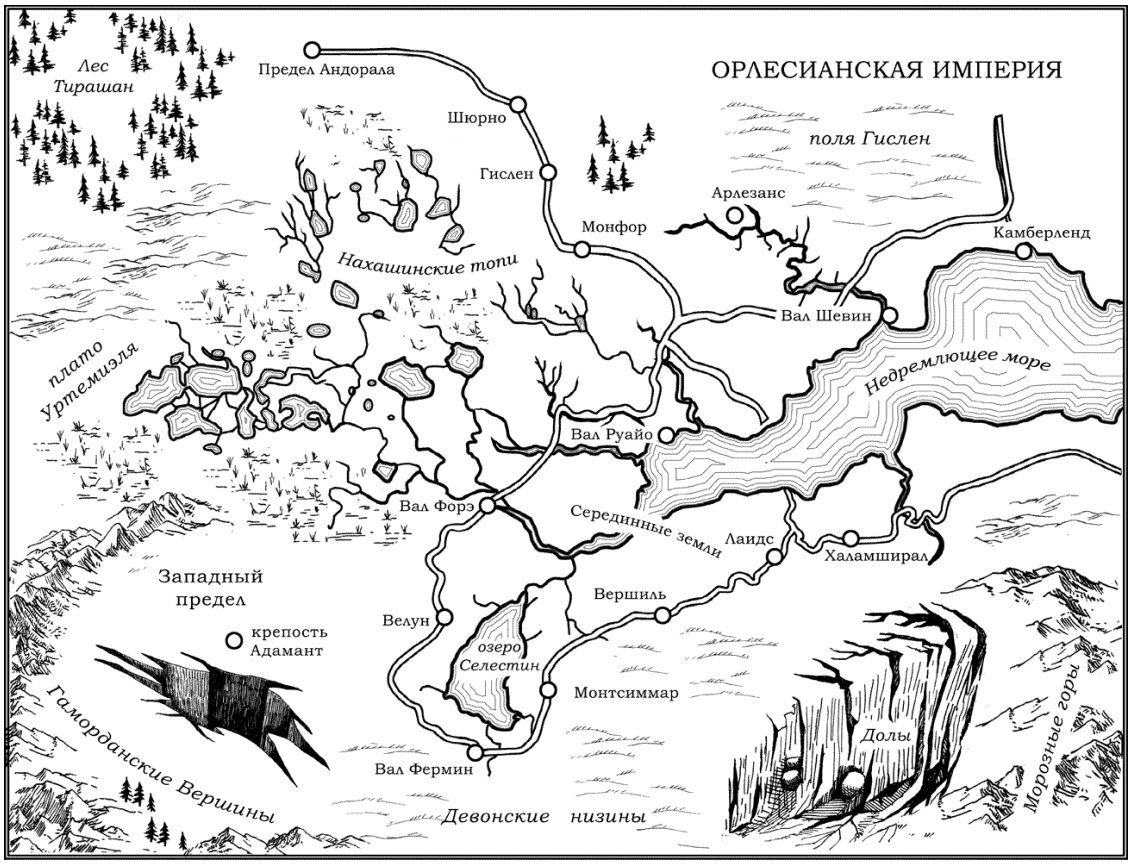
Благодарности

Ни одна книга, связанная с таким огромным миром, не может быть создана без объединения усилий многих людей. Данный роман, в частности, потребовал их даже больше, учитывая возникшие у меня проблемы со здоровьем, которые привели к операции на глазах в самый разгар работы.

Спасибо всем сотрудникам «BioWare» за поддержку, но в особенности: Мэри Керби за подробный рассказ об орлесианской политике и за то, что этот рассказ был повторен еще раз, медленнее и простыми словами; Бену Гелинэсу за обстоятельные консультации по миру «Dragon Age», без которых дилетант в этом мире работал бы над книгой гораздо дольше; Рамилю Санге за чудесную обложку и живое воплощение образа императрицы Селины; а также Дэвиду Гейдеру и Майку Лэйдлоу за то, что доверили новичку создание первого не гейдеровского романа по «Dragon Age».

Спасибо Стэйси Хилл из «Tor» за то, что она с одинаковым присутствием духа улаживала все мои проблемы – от стремительно ухудшавшегося зрения до чрезмерного пристрастия к эмоциональным наречиям, а также Дэвиду Хэйлу Смиту и Лизз Блэйз из «Inkwell» за то, что помогали мне сохранять здравый рассудок.

И конечно же, огромное спасибо моей жене Карин, которая целых три месяца выполняла все, для чего нужно было смотреть в монитор. Я был физически не в состоянии это сделать, и не один долгий вечер нам пришлось работать сообща, пока я не выздоровел и не вернулся к полноценному писательскому труду. Без тебя я бы никогда не смог закончить эту книгу – и наверняка бы до сих пор искал эти чертовы глазные капли.



Глава 1

Императрица Селина вступила на просторный Церковный двор Орлейского университета в сопровождении сэра Мишеля, своего рыцаря-защитника, окруженная свитой из слуг и телохранителей. Университетские профессора собрались встречать императрицу и при виде нее почтительно поклонились.

В бледном утреннем свете мраморные стены искрились, точно свежевыпавший снег. На каменных плитках двора было выложено мозаичное изображение Андрасте, гордо и непреклонно стоявшей в перламутровом доспехе на фоне тускло-алого пламени. Селина с одобрением отметила, что мозаику восстановили после того, как в предыдущий свой визит она обнаружила повреждения: часть камешков выкрошилась от воздействия времени и множества ног.

Мозаичная Андрасте взирала лазуритовыми глазами на церковь, в честь которой и был назван двор. То было самое высокое здание университета, горделиво увенчанное парой сверкающих бронзовых куполов, которые студенты в шутку прозвали «лоно Андрасте».

О чем, разумеется, ректор университета Селине не рассказывал.

Над огромными бронзовыми дверями, над фреской с изображением Андрасте и ее учеников, золотом в камне была выложена цитата из Песни Света: «УЧЕНОЕ ДИТЯ СУТЬ БЛАГОСЛОВЕНИЕ РОДИТЕЛЯМ И ВОСХВАЛЕНИЕ СОЗДАТЕЛЮ». Ректор и профессора университета стояли, учтиво склонив голову, под этой надписью и смотрели, как императрица и ее свита шествуют к ним по мозаичной фигуре Андрасте.

– Ваше императорское величество, – проговорил ректор Генри Моррак и, повинуясь знаку Селины, выпрямился; его примеру последовали и профессора. – Своим посещением вы оказали нам величайшую честь.

– В эти тревожные времена, Моррак, я нахожу утешение в знаниях и мудрости, которые ты и твой университет даете будущему Орлея.

Селина улыбнулась и подала знак слугам. Тотчас двое из них извлекли на свет причудливое изделие из искусно обработанного сильверита, которое после нескольких нехитрых манипуляций превращалось в небольшую, но на диво удобную скамеечку.

Сэр Мишель отступил на шаг, бдительно изучая проходы и окна в мраморных стенах. Он был готов отразить любую угрозу персоне императрицы, но неизменно источал безупречную уверенность, которую Селина требовала от всех, кто служил ей лично.

Моррак опешил. Он явно намеревался пригласить Селину к себе в кабинет, чтобы обсудить причину визита императрицы в его владения и, возможно, похвастаться очередным манускриптом, который обнаружил какой-нибудь многообещающий студент. Под относительно простой маской, какую ректор носил как младший сын семьи Моррак, заметно было, как он обеспокоенно поджал губы, наспех обдумывая, как построить диалог у всех на виду. Селина в душе забавлялась тем, что так рано вывела его из равновесия.

Императрица была облачена в атласное кремовое платье, отороченное нитями жемчуга и затейливо расшитое аметистами в золотой оправе, что несло цвета семьи Вальмон. То был наиболее легкий и удобный наряд среди тех, в которых императрица, следуя непреклонной воле этикета, могла появляться публично – не считая, само собой, прогулок верхом, – но тяжести этого платья было довольно, чтобы к вечеру у нее ныли спина и поясница. Селина изящно опустилась на сильверитовую скамеечку, как всегда тщательно следя за тем, чтобы ничем не выдать ни неприятных ощущений, ни облегчения.

Скрывать выражение лица ей помогала полумаска – такие носили на публике все аристократы Орлея. Маска императрицы была инкрустирована лунным камнем, линии скул и носа очерчены золотом. Крохотные лиловые сапфиры окаймляли глаза; раскрашенные павлиньи перья, плавно загибаясь назад, венчали голову Селины лилово-золотой короной. И сапфиры,

и перья могли быть с легкостью заменены украшениями другого цвета, дабы привести маску в соответствие с нарядом императрицы или текущим событием. Ниже маски лицо Селины было густо напудрено, губы покрыты помадой густо-красного цвета.

– С соизволения вашего императорского величества, – начал Моррак, – профессор Дуси будет счастлив прочесть отрывок из своей диссертации об ущербности общества кунари. Это смелая попытка развить и углубить более ранние исследования брата Дженитиви, и, если мне не изменяет память, вы нашли предыдущую работу профессора весьма многообещающей.

– Звучит и впрямь заманчиво, – согласилась Селина и, выждав, пока Моррак повернется к упомянутому профессору, который стоял справа от него, невозмутимо добавила: – Однако, сдается мне, беседа о рогатых великанах, правящих Пар Волленом, может навести уныние в день, и без того уже тронутый тенью зимней стужи.

Убедившись, что ректор опять превратился в слух, она продолжала:

– Возможно, кто-нибудь из твоих профессоров сможет развлечь нас лекцией по математике. В последнее время я, по мере своих скромных сил, корпела над теоремой Вираниона и была бы крайне благодарна, если бы какой-нибудь ученый муж смог объяснить мне доказательство этой теоремы.

На мгновение в просторном внутреннем дворе стало тихо и был слышен только щебет редких пташек, которые не улетели зимовать на юг, потому что их подкармливали студенты и университетские смотрители.

Ректор Моррак судорожно сглотнул. Пускай даже он был только младшим сыном в семье, ему следовало лучше сдерживать свои чувства. Селина мимолетно задумалась, не стала ли эта чрезмерная эмоциональность причиной того, что семья отослала Генри прочь от опасностей светской жизни в сообщество ученых. Или же он, обосновавшись в университете, просто растерял придворные навыки? В любом случае эта особенность выставляла его в невыгодном свете.

– Ваше великолепие, – наконец проговорил он, – вы чересчур скромно оцениваете свои способности. Теорема Вираниона чрезвычайно сложна. Признаюсь, в то время, когда я сам изучал математику, волны моего разума неоднократно бились о ее скалистые берега, но, увы, с ничтожным результатом. Однако, если вашему величеству желательно поговорить о математике, я написал трактат о некоей особенной пропорции, которая встречается в природе так часто, что в том, безусловно, виден знак Создателя. Я почел бы честью…

– Не хочешь ли чаю? – перебила Селина и подала знак слуге.

Тот мгновенно извлек на свет изящный серебряный чайник, покрытый рунами, отчего вода внутри оставалась горячей и не нуждалась в подогревании. Другой слуга достал чашки и блюдца антиванского фарфора, настолько тонкого, что сквозь них просвечивало утреннее солнце.

– Наверняка среди твоих профессоров отыщется тот, кто освоил теорему Вираниона, – продолжала Селина. – Вряд ли Орлейский университет может считаться лучшим учебным заведением Тедаса, если мы не в состоянии постигнуть труд заурядного тевинтерского ученого.

Кажется, ректор Моррак был не на шутку оскорблен. Быть может, он все-таки не до конца растерял свою аристократическую гордость.

– Поверьте, ваше великолепие, университет Орлея не имеет равных в своем устремлении к вершинам науки и культуры, и во многом благодаря тому, что тевинтерские ученые суть лишь рабы правящих ими магов. Даровав нам свободу от религиозных притеснений, ваше величество придали нам сил и впредь успешно развивать культуру Орлея.

Да, Моррак и впрямь в достаточной степени сохранил придворную выучку, чтобы при необходимости подколоть собеседника. Селина порадовалась тому, что разговор, несмотря ни на что, может оказаться увлекательным.

– Тогда, может быть, знаток этой теоремы сыщется среди твоих студентов? Когда в прошлом году я каталась верхом с графиней Элен, она рассказала, что покровительствует некоему

юноше с феноменальным, можно сказать, математическим даром. – Селина взяла чашку, поднесенную слугой, и сделала небольшой глоток. – Сейчас мне вспоминается, что он как раз изучал теорему Вираниона, и именно тот разговор вдохновил меня заняться собственным изысканием. Леннан – именно так, полагаю, звали этого юношу.

– Ах да, – сказал Моррак, и жесткое выражение появилось в его глазах, когда он понял, к чему клонит императрица. – Кажется, я помню его прошение. И хотя, разумеется, наши двери открыты для всякого, кто, обладая благородным происхождением либо достойным покровителем, докажет, что он в состоянии продолжать наши выдающиеся традиции…

– Скажи-ка, Моррак, – перебила Селина и сделала паузу, чтобы отпить еще чаю. – Ты изучаешь математику. Знакомо ли тебе число ноль?

Чай был превосходен: ривейнская смесь корицы, имбиря и гвоздики, подслащенная медом, именно так, как любила Селина.

– Да, ваше великолепие, – ответил Моррак после недолгого молчания, когда стало очевидно, что вопрос отнюдь не риторический.

Чашку, которую предложил ему слуга Селины, он принял с едва скрываемым раздражением.

– Замечательно. Именно этому числу равно количество твоих студентов, не имеющих благородного происхождения. Признаюсь, ректор Моррак, что я испытываю по этому поводу некоторое разочарование, поскольку надеялась после нашего предыдущего разговора обнаружить определенные изменения к лучшему.

– Ваше великолепие…

– Пей чай, Моррак. Я же не требовала распахнуть двери университета перед толпами селян. Я всего только просила принимать на обучение простолюдинов, у которых имеются высокородные покровители, распознавшие в подопечных ум, превосходящий обычные возможности низкого сословия, и пожелавшие еще более возвысить Орлей благодаря их грядущим ученым трудам.

Моррак стиснул чайное блюдце с такой силой, что у него побелели костяшки пальцев.

– Ваше императорское величество, юноша, о котором вы ведете речь, – эльф.

Селина повернулась к своему защитнику, сэру Мишелю де Шевину – величавому рыцарю в сильверитовых доспехах, украшенных гербом империи. Герб семьи, к которой принадлежал рыцарь, был врезан в нагрудник доспеха, над самым сердцем; что до маски сэра Мишеля, то она представляла собой упрощенную копию маски, которую носила императрица.

– Сэр Мишель, насколько я помню, шевалье славятся острым зрением. Скажи, разве здесь, во дворе, где мы собрались, не присутствует эльф?

– Если можно так выразиться, ваше величество, – едва заметно усмехнулся рыцарь.

С этими словами он указал на церковь, а точнее, на фреску, которая располагалась над огромными бронзовыми дверями.

– Если я не ошибаюсь, эта фреска представляет собой точную копию работы прославленного Анри де Лаидса, изображавшей Андрасте и ее учеников. В то время, когда был создан оригинал, эльфы еще считались союзниками империи – это было до их вероломного нападения на Орлей. Двадцать лет спустя, когда Верховная Жрица Рената объявила Священный поход против эльфов, она также приказала уничтожить все церковные произведения искусства с изображением эльфов. – Сэр Мишель улыбнулся. – Анри де Лаидс, однако, с таким пылом и красноречием молил пощадить его труд, что Верховная Жрица снизошла к его мольбам и только велела обрезать острые эльфийские уши отныне еретического ученика Шартана.

– Да, верно. – Селина легким кивком поблагодарила рыцаря. – И, судя по всему, университет весьма кропотливо скопировал оригинал. Моррак, ты можешь распознать Шартана? Уши были изменены, однако большие глаза недвусмысленно указывают на его происхождение.

– Безусловно, ваше великолепие. – Моррак посмотрел на фреску, затем перевел взгляд на Селину. – В отличие от Церкви, университет гордится тем, что создает точное видение истории. Это действительно тот самый эльф, которого Андрасте освободила от рабского служения гнусной империи Тевинтер.

– Как удивительно, что университет, столь ревностно выступающий против религиозных ограничений науки, в данном случае ведет себя столь же непоколебимо, как Верховная Жрица Рената.

– Это воистину загадка, – согласился сэр Мишель и оглянулся через плечо на ректора Моррака.

Тот сделал большой глоток; отставленная чашка отчетливо брякнула о фарфоровое блюдце.

– Мы, безусловно, почтем за честь повторно рассмотреть обращение графини Элен.

– Орлей высоко ценит ваш беспримерный вклад в культуру и образование империи. – Селина церемонно наклонила голову и встала. Один из слуг принялся складывать сильверитовую скамеечку, другой принял у императрицы чашку и блюдце. – Теперь, после всех этих разговоров о религии, мне хотелось бы посвятить некоторое время духовным урокам, которые могут преподать в этой церкви. Будь любезен, ректор Моррак, позаботиться о том, чтобы нас не беспокоили.

После этих слов она улыбнулась и в качестве жеста примирения добавила:

– После чего мне, безусловно, будет весьма любопытно услышать твой рассказ о той самой пропорции, в которой виден знак Создателя.

Профессора поклонились и торопливо расступились, глядя, как императрица направляется к огромным бронзовым дверям церкви. Слуги Селины также остались на месте – за исключением сэра Мишеля.

– Ваше величество, – пробормотал он, – вы могли бы и предупредить меня о том, какой поворот может принять эта беседа. Ересь Шартана известна далеко не всем и каждому.

– Я верила в тебя, о мой рыцарь. – Селина улыбнулась, не глядя на него.

– Мне сопровождать вас в церковь?

– Полагаю, в лоне Андрасте мне ничто не может угрожать, – проговорила Селина, когда сэр Мишель распахнул перед ней бронзовые двери.

Он заглянул внутрь, окинул оценивающим взглядом зал, потом повернулся к императрице, коротко кивнул – и Селина в полном одиночестве вошла в церковь.

Внутри было прохладно, но после промозглого осеннего ветра снаружи здесь казалось не в пример уютнее. Лучи алого света падали из витражных окон, рассекая ряды скамей из промасленной древесины, запахом которых пропиталась вся церковь. В дальнем конце зала пылал в золотой жаровне негасимый огонь – единственный, помимо окон, источник света.

В церкви никого не было, если не считать рыжеволосой женщины в рясе послушницы. С приближением Селины женщина встала.

– Ваше императорское величество, – негромко проговорила она, отвешивая глубокий поклон.

Препирательство с ректором Морраком об эльфах было лишь невинной прелюдией к настоящему испытанию этого утра. Селина жестом предложила рыжеволосой выпрямиться.

– Рада, что Верховная Жрица вняла моей просьбе о встрече.

Женщина улыбнулась. Она была без маски, как и большинство тех, кто служил Церкви, и, несмотря на чистый орлесианский выговор, черты лица у нее были скорее ферелденские. Маски были неотъемлемой частью Игры, безжалостного и бесконечного состязания, волей которого в Орлее зарождались и гибли династии. Настояние Церкви, чтобы ее служители не носили масок, должно было означать, что Церковь вне политики хотя верила в это лишь неизмеримо малая часть орлесианской аристократии.

– Дело, как выразился ваш посланец, весьма серьезное, и Верховная Жрица желала бы увидеть его разрешенным. Я послана сюда как изъявитель ее воли. Вы можете называть меня Соловей.

Селина изогнула скрытую маской бровь. Нечасто императрице Орлея предлагалось обращаться к собеседнику по прозвищу. Впрочем, Джустиния отправила бы на эту встречу только того, кому безоглядно доверяет.

Без особых церемоний Селина присела на ближайшую скамью. Пышные складки кремового атласа тотчас некрасиво смялись, аметисты, которыми было расшито платье, брякнули о дерево.

– Полагаю, Соловей, тебе известно о напряженности, которая существует между магами и храмовниками?

Рыжеволосая заколебалась, и императрица небрежным взмахом руки предложила ей также сесть.

– Разумеется. Ваше великолепие.

Соловей опустилась на скамью с таким непринужденным изяществом, что на ее скромной рясе не осталось ни складки. Подобная слаженность движений была признаком опытного барда, и Селина мимоходом отметила и запомнила этот факт, чтобы потом при необходимости использовать его.

– После того, что произошло в Киркволле, храмовники стали еще беспокойней прежнего, – продолжала Селина, неотрывно глядя на блистающий алым сиянием витраж, который изображал возведенную на костер Андрасте. Благодаря многолетнему опыту она и краем глаза превосходно видела сидевшую рядом женщину. – Впрочем, равно как и маги. Что Доротея собирается предпринять?

Она намеренно употребила мирское, данное при рождении имя Верховной Жрицы Джустинии и теперь, не повернув головы, наблюдала за женщиной по прозвищу Соловей. Глаза рыжеволосой едва заметно сузились, однако сама она не шелохнулась. То был признак гнева, но отнюдь не оскорбленного чувства приличия. Итак, Соловей знает мирское имя Верховной Жрицы, и вполне вероятно, что они были знакомы еще до возвышения Доротеи.

Все это уместилось в один краткий миг, а затем Соловей сказала:

– Верховная Жрица не желает допускать, что случившееся в Киркволле было чем-то большим, нежели выходка безумного мага-одиночки, которого толкнуло на губительный поступок избыточное усердие храмовников. Вам известно, что в некоторых городах Вольной Марки маги связаны куда более жесткими ограничениями, нежели в Орлее.

– Да, это мне известно. И кроме того, я знаю, что ты так и не ответила на мой вопрос. Если Доротея предлагает ничего не предпринимать ради замирения магов и храмовников, она следует дурному примеру Владычицы Церкви Эльтины, которая выжидала и молилась, пока вражда разрывала Киркволл на части.

С этими словами она повернулась и прямо взглянула в глаза Соловей.

И опять глаза рыжеволосой чуть заметно сузились при упоминании мирского имени Верховной Жрицы.

– Джустиния, ваше великолепие, желает увидеть этот мир изменившимся к лучшему. Поспешными, необдуманными действиями мы ничего не достигнем.

– Порой обстоятельства не дают нам времени на размышления, особенно если речь идет о магии.

Селина взглянула на женщину в послушнической рясе, которая держалась со спокойствием и самообладанием светской дамы, и вдруг ее осенило.

– Как я понимаю, во время последнего Мора башня Ферелденского Круга едва не погибла, когда один из старших чародеев Круга стал одержимым. После того как Герой Ферел-

дена перебил всех тварей, ему пришлось там же, на месте, принимать решение: надо ли убить всех прочих магов, оставшихся в башне.

Удар достиг цели – Соловей дрогнула и ответила с жаром:

– Мы не в пекле боя, ваше великолепие.

– Мы всегда в бою, – возразила Селина, – просто некоторые из нас порой этого не сознают. Так сказала мне однажды бард по имени Маржолайн. До меня дошли слухи, что ее земной путь трагически завершился в Ферелдене. – Она вздохнула. – Как печально, не правда ли, Соловей?

Женщина мгновение помедлила, глядя на Селину с настороженным уважением.

– Полагаю, – наконец ответила она, – это зависит от точки зрения. И вероятно, вы могли бы называть меня Лелианой.

– Вероятно, могла бы. – Селина улыбнулась и продолжила, понизив голос: – Вот о чем следует уведомить Верховную Жрицу Джустинию: некоторые аристократы в частных беседах высказывают горячее желание, чтобы императорская власть напрямую занялась разрешением этого вопроса.

Перехватив потрясенный взгляд Лелианы, она кивнула:

– Да, в Орлее есть люди, которые предпочли бы, чтобы мы во имя безопасности пошли войной на своих собственных подданных. Я не хочу этого. И Доротее это прекрасно известно. Однако же я должна предложить им какой-нибудь другой выход.

Лелиана поднялась со скамьи, сдвинула брови, размышляя над ее словами:

– Вы хотите, чтобы Верховная Жрица предприняла какой-то публичный шаг ради улучшения обстановки?

– По правде говоря, – Селина медленно выдохнула, – любой публичный шаг неизбежно вызовет нарекания, что-де я позволила Церкви завладеть браздами правления империей. – (Лелиана кивнула, не говоря ни слова.) – Но если Джустиния сумеет усмирить страсти прежде, чем я вынуждена буду обратить клинок империи против ее граждан, я охотно заплачу такую цену.

– Ваше великолепие, – Лелиана улыбнулась, – вы гораздо меньше думаете о себе и куда больше об Орлее, нежели я ожидала. Это воистину счастливое свойство для любого правителя, и должна признаться, мне нечасто доводилось его наблюдать.

Селина тоже встала, и на миг ее наряд окрасился алым, омытый потоком света из витражных окон.

– Скажи, Архидемон был огромен?

Лелиана засмеялась, негромко и сдержанно, точно светская дама или обученный бард, и ее церковное одеяние показалось вдруг неудачно выбранным маскарадным костюмом.

– Так огромен, ваше великолепие, что в сравнении с ним почти все проблемы кажутся досадными мелочами. – И добавила, уже посерьезнев: – Я попрошу Джустинию обдумать возможность открытых действий. Ей понадобится ваша поддержка, дабы предвосхитить обвинения в попытке узурпировать светскую власть.

– Разумеется. Что, если бы она сделала это заявление на балу, который будет устроен в ее честь? – Никто не ждет, чтобы Верховная Жрица выступила с такой речью на балу… – Лелиана задумалась.

– И потому эта идея тебе нравится, – улыбнулась Селина. – А кроме того, у тех аристократов, которые донимают меня просьбами об открытом вмешательстве, не будет иного выхода, кроме как выслушать Верховную Жрицу и осознать, что этим делом уже занялись.

– Вы тоже обучались ремеслу барда, ваше великолепие. – Лелиана усмехнулась. – Об этом так легко забыть. Я передам ваше предложение Верховной Жрице.

– Три недели, самое большее – месяц. После чего у меня не останется выбора, кроме как решать самой. Прежде чем вернуться в зимние резиденции, знать пожелает убедиться, что мы не бездействуем. – Ваше императорское величество… – Лелиана поклонилась.

С этими словами наперсница Верховной Жрицы покинула церковь через неприметную боковую дверь, а Селина вернулась на скамью. На сей раз, припомнив давние навыки, она села совершенно беззвучно и нисколько не смяв платья.

Еще три недели ей предстоит, стиснув зубы, бороться с происками великого герцога Гаспара, которому, вместе с прочей знатью, неймется развязать войну. Еще три недели она будет намеренно игнорировать нелепую свару между буйными храмовниками и магами, которые упорно не желают признавать общепринятого уклада жизни.

И наградой за стойкость ей будут вопли Гаспара о том, что она-де уступила власть Церкви – как будто власть подобна мечу, который может одновременно находиться только в одних руках. Нет, власть не такова. На самом деле она как танец, исполняемый то с одним, то с другим партнером, танец, в котором ты точно знаешь, когда надлежит вести, а когда смиренно позволить, чтобы тебя вели… и когда достаточно лишь наступить на край подола соперницы, чтобы та с позором грохнулась на пол.

В неосторожных руках такая власть может повергнуть в пыль величайшую империю Тедаса. В том и состоял долг Селины, чтобы охранить и сберечь историю и культуру всего Орлея.

Именно в такие минуты она тешилась уже тем, что сумела подчинить своей воле строптивого университетского профессора.

– Три недели, – прошептала Селина и позволила себе с минуту праздно полюбоваться прихотливой игрой багряно-алого света, лившегося сквозь витражное стекло.

Полумаски, которые носили на публике слуги орлесианских аристократов, были копией хозяйских, только попроще и однообразней, – слуга, в отличие от хозяина, не мог позволить себе неуклонного следования за модой. Если маска главы знатного дома представляла собой львиную морду, вырезанную из слоновой кости, инкрустированную ониксом и отделанную золотом, маски его прислуги также изображали львов, но были окрашены в черный цвет и окаймлены латунными полосами. Маски защищали слуг, выходивших по делам в город, предостерегая ремесленников и торговцев: всякое оскорбление, нанесенное слуге, в конечном счете оскорбляет и его господина. По маскам же слуги разных домов тотчас распознавали вероятного союзника… или возможного врага.

Маски слуг императорского дворца в Вал Руайо, чьи обязанности подразумевали появление на публике, повторяли маску самой императрицы. В тех местах, где маска Селины была инкрустирована лунным камнем, маски прислуги были просто покрыты лаком либо – у тех, кто занимал высокие должности, – выложены слоновой костью. Золотой и лиловый цвета наносились заурядной краской. Нижнюю часть лица слуги Вал Руайо окрашивали белым, что служило еще одним признаком их особенного положения.

Для стороннего наблюдателя дворцовые слуги представляли собой скопище одинаковых бледных лиц, окаймленных золотым и лиловым. Женщины носили форменные платья, мужчины щеголяли в облегающих штанах; все это было сшито по последней моде и окрашено в цвета императрицы. Никогда не прятали лиц только стражники и те из слуг, кому не положено было появляться на людях, – к примеру, кухарка и ее подручные либо дворцовые золотари.

Впрочем, полумаски слуг скорее помпезно украшали, нежели скрывали лицо. В противном случае из-под маски не были бы видны острые эльфийские уши Бриалы.

Она шла мимо парадного зала, когда вдруг услышала оклик кастелянши:

– Эй, ты! Кролик!

– Да, госпожа? – Бриала повернулась.

– Что, турнули тебя взашей? – Кастелянша оглянулась вглубь зала, где слуги, рассыпавшиеся по стремянкам, кропотливо прилаживали громадный лиловый стяг таким образом, чтобы золотой лев дома Вальмон, к которому принадлежала императрица, оказался на нужной высоте. – В обычные дни, может, и приемлемо допускать тебя к одеванию ее императорского величества, но в день бала не должно быть ни малейшей промашки. – И тут же, скосив глаза на стяг, прикрикнула: – Поднимите выше слева!

Бриала не раз видела, как кастелянша готовится к балам. В такие дни та неизменно была раздражена и брюзглива, срывая злость на всяком, кто подвернется под руку. Сегодня, однако, что-то было не так. Выпад ее был почти беззлобным, и притом все слуги знали, что Бриала хорошо ладит с девушками, которые одевали императрицу для парадных выходов. Иначе и быть не могло – ведь тогда они стали бы врагами.

Более того, из-под маски кастелянши выбивалась непослушная прядь волос – промах, совершенно недопустимый для дворцовой прислуги. Кастелянша не могла не заметить его, разве только она снимала маску и затем надевала впопыхах.

– Да, госпожа, – вслух проговорила Бриала.

Она прислуживала императрице с детских лет, с тех пор, как Селина была лишь еще одной из бесчисленных претендентов на трон. Теперь в Вал Руайо Бриала вошла в число немногих слуг-эльфов, которым дарована была привилегия прилюдно носить маску.

Кастелянша вновь повернулась к Бриале:

– Что ж, тогда можешь потрудиться. Сбегай на кухню и потолкуй с кухаркой и ее подручными девицами. Погода нынче сухая, не хватало еще и мясо пересушить. Прошлой осенью леди Монтсиммар заявила, что утка, которую подавали на стол в Круге магов, была вкуснее нашей. – Она ожгла Бриалу гневным взглядом, и в прорезях маски видно было, как глаза ее опасно сузились. – Скажи им, что, если такое случится и в этот год, я прикажу их выпороть.

– Да, госпожа, – повторила Бриала, склоняя голову, чтобы подчеркнуть свою почтительность.

Среди дворцовых слуг существовала жесткая и наглядная иерархия, и хотя Бриала, будучи личной горничной императрицы, находилась на особом положении, это не освобождало ее от необходимости подчиняться вышестоящим.

– Ах, да не пугайся ты так. – Кастелянша фамильярно похлопала Бриалу по плечу. Бриала заметила, что застежка у нее на манжете расстегнута, – еще одна оплошность, которую ни в коем случае не допустили бы служанки, одевавшие кастеляншу. – Просто этих ленивиц нужно как следует припугнуть. Тебя бы мы никогда не подвергли порке. Теперь ступай.

– Да, госпожа, – в третий раз промолвила Бриала и двинулась прочь.

Кастелянша набросилась на слуг, сердито крича им, чтобы опустили ниже левый край стяга.

Шагая по просторному коридору, где полы были выстланы изысканными неварранскими коврами, а стены украшены рядами классических полотен и прихотливыми завитками лепнины, Бриала размышляла.

Кастелянша преданно служила Селине свыше десяти лет. Она крайне дорожила своей должностью и нипочем не позволила бы себе отвлечься от приготовлений к балу – разве только кто-то или что-то принудили ее отвлечься. Застежка и выбившаяся прядь указывали на появление нового любовника, который добился благосклонности кастелянши и урвал несколько минут ее драгоценного времени.

Вполне вероятно, что только этим дело и ограничилось, однако в Вал Руайо все было частью Игры, даже тайные любовные интрижки старших слуг. Бриала с младых ногтей наблюдала за Игрой и, поскольку была одной из фигур Селины, твердо намеревалась одержать победу.

Если предполагать худшее, кастелянша, скорее всего, не принимала сознательного участия в интриге. Бесчестье императрицы означало бы то же для кастелянши, а если, не приведи Создатель, Селина умрет или лишится власти, кастелянша, все всякого сомнения, потеряет свое место. Словом, если дело не только в чрезмерно пылком любовнике, то кастелянша всего лишь орудие, невольный участник неведомо какого заговора.

Остается понять, чье она орудие.

Кухня дышала нестерпимым жаром – здесь готовились блюда по рецептам со всего мира. Кухарка по имени Рилен была дородная румяная женщина. Ее могучие руки покрывали шрамы от ожогов, оставшихся после несчастного случая в юности – если можно назвать несчастным случаем следствие того, что предыдущая кастелянша сочла поведение Рилен чрезмерно дерзким. Бриала питала симпатию к кухарке, а потому прилагала все силы, чтобы защитить эту женщину, которая управлялась со стряпней лучше, чем она сама с тонкостями Игры.

– Мисс Бриа! – просияла Рилен, увидев Бриалу. – Ее великолепие желает чем-нибудь подкрепиться до вечернего пира? У нас есть отменные пирожные из Лаидса.

– Спасибо, Рилен, не нужно.

Бриала окинула взглядом помощниц кухарки. Среди них были и люди, но большинство – эльфы, и ни одна не носила маски. Кухонным работницам не дозволялось попадаться на глаза знати.

– Кастелянша беспокоилась насчет утки. Очень беспокоилась.

– Я сама послежу за уткой. – Рилен благодарно кивнула и, стряхнув муку с покрытых шрамами рук, переместилась к котлу, где на медленном огне томилось в соусе жаркое.

– И еще, не могла бы ты послать кого-нибудь из девушек разузнать, не меняла ли кастелянша что-нибудь в расписании бала?

– Само собой, мисс Бриа, – улыбнулась Рилен. – Я потом пришлю ее к вам.

– Спасибо.

Покинув кухню, Бриала прошлась по дворцу. В парадном зале уже развесили стяги, и теперь кастелянша кричала на тех, кто расставлял столы. Изысканные карточные комнаты, примыкавшие к залу, были обставлены в стиле различных стран: от ферелденских медвежьих шкур на полу и золотых статуэток мабари до вызывающе роскошных шелков и магических светильников Тевинтера. С балконов можно было полюбоваться на парадный зал либо выбраться на свежий воздух, на веранды, которые нависали над громадным лабиринтом живых изгородей. В зелени лабиринта тут и там искрились струи мраморных фонтанов.

– Эй ты, остроухая!

В отличие от «кролика», чей приятельски-покровительственный оттенок лишь вызывал у Бриалы легкий зубовный скрежет, обращение «остроухая» всегда было откровенно оскорбительным. В устах людей это слово подразумевало помойного нищеброда, который слишком ленив, чтобы работать, и слишком глуп, чтобы красть.

Капитан дворцовой стражи не носил маски. Как и вся дворцовая стража. Иначе наемному убийце было бы чересчур легко смешаться с толпой и подобраться к императрице в доспехах и при оружии. Удлиненное лицо капитана свидетельствовало о его благородном происхождении, плащ, украшенный золотым львом дома Вальмон, не скрывал ослепительного сверкания парадных доспехов.

Впрочем, для Бриалы было гораздо важнее, что одна из застежек на сверкающем нагруднике перекошена, а под ухом у капитана припух отчетливый след страстного поцелуя.

– Что, остроухая, ищешь, как бы увильнуть от работы? – презрительно ухмыльнулся он.

– Императрица велела мне проверить приготовления к сегодняшнему пиру.

Бриала не сопроводила свой ответ поклоном, хотя по правилам и полагалось бы – должность капитана дворцовой стражи не из последних. Бриала, однако, пользовалась достаточным влиянием, чтобы обходить правила, когда ей этого хотелось, а сейчас был именно такой случай.

– Недурная отговорка, – фыркнул он, а затем оглядел Бриалу с новым, плотоядным интересом. – Хотя, если жаждешь поразвлечься, фигурка у тебя такая аппетитная, что я бы, пожалуй, даже согласился не замечать этих мерзких отростков, которые у вас зовутся ушами. – Капитан шагнул ближе, перекрывая вид на сад. – Я бы даже мог держаться за них, как за вожжи.

В лицо ударил запах мужского пота – и лаванды, любимых духов кастелянши.

Бриала отступила с балкона в зал:

– Сомневаюсь, что императрица такое одобрит.

С этими словами она развернулась и, не оглядываясь, пошла прочь. И продолжала сосредоточенно размышлять.

У капитана шашни с кастеляншей, и к Бриале он приставал лишь затем, чтобы вынудить ее уйти, не дать ей посмотреть вниз с балкона… потому-то и постарался загородить обзор. Насколько ей помнилось, капитаном дворцовой стражи этот человек стал недавно, после смерти своего предшественника. До того он служил в армии. Где именно – Бриала не знала, но если вспомнить о том, как герцог Гаспар популярен среди солдат…

Теперь она знала кто и где. Осталось выяснить что.

Бриала поспешила вниз по извилистой лестнице, чьи мраморные ступени были покрыты красным бархатом. Но не успела она добраться до двери, ведущей в садовый лабиринт, как сзади громко окликнули:

– Мисс Бриа!

Бриала обернулась и увидела, что к ней бежит эльфийка, из числа девушек, которые трудились на кухне.

– Мне сказали вас разыскать.

– Спасибо, Дисирелль. – Бриала сердечно улыбнулась девушке. – Что ты узнала?

Дисирелль понизила голос, нервно теребя тонкими пальцами рукав:

– Кастелянша добавила в список сегодняшних гостей барда, женщину по имени Мельсендре.

– Спасибо, – кивнув, еще раз поблагодарила Бриала. – А теперь, если тебе не нужно тотчас возвращаться в кухню, могла бы ты разузнать для меня, чем занимался сегодня капитан дворцовой стражи?

– Конечно, мисс Бриа. Рилен сказала, что я в полном вашем распоряжении.

– Отлично. – Бриала повернулась к выходу в садовый лабиринт. – Найдешь меня там. Мне предстоит… поохотиться.

Селине доводилось видеть, как упражняются орлесианские шевалье. Одно из самых известных испытаний – во всяком случае, среди тех, что показывались широкой публике, – состояло в следующем: на больших, обнесенных оградой подмостках устанавливались столбы, а на столбах закреплялись ряды лезвий. Когда слуги раскручивали массивное, скрытое от глаз колесо, лезвия начинали вращаться, с бешеной скоростью атакуя всякого, кто попытается проскочить между столбами. Отважные юнцы на летних праздниках проходили полосу препятствий в плотных, подбитых волосом туниках, и лезвия притом были затуплены, так что единственным, чему мог быть причинен ущерб, становилось, как правило, самолюбие участников. Говорили, что на подлинном испытании лезвия остро заточены и солдаты проходят его без доспехов.

Дворцовые приемы всегда представлялись Селине именно такой полосой препятствий.

По счастью, это испытание она проходила не одна. Сэр Мишель, защитник императрицы, шел, как всегда, в шаге позади нее – без доспехов, чтобы не создать помех продвижению Селины в толпе, но тем не менее при мече. Его облегающие штаны были из дорогого золотистого шелка, камзол – из лиловой замши, выделанной из шкур зверей, которых разводили под землей гномы. Ножны меча украшал выложенный золотом лев с глазами и гривой из лиловых

сапфиров, и хотя сэр Мишель, вопреки аристократической моде, не носил ни колец, ни браслетов – дабы ничто не помешало ему в случае нужды проворно орудовать мечом, – маска его была увенчана высоким желтым пером шевалье.

– Что прикажете, ваше величество? – спросил он, понижая голос так, чтобы его могла расслышать только Селина.

На подобных мероприятиях Мишель редко подавал голос, и императрица это одобряла. Будучи ее защитником, сэр Мишель являлся как бы частью ее самой, а потому привлекал внимание не к себе, а к Селине. Он не питал интереса к Игре, однако был наблюдателен и строго следовал приказам. Мишель занимал место ее защитника уже почти десять лет, с тех пор как его предшественник погиб, защищая императрицу от наемного убийцы.

– Бриала сообщила, что она обнаружила?

– Спрятанный в зарослях меч? Да, ваше величество.

Тихий голос Мишеля звучал безупречно ровно, и если судить по его жестам, они вполне могли обсуждать изящные ледяные фигурки виверн на столах с закусками.

– Следи за бардом Мельсендре. Все начнется с нее.

– Надеюсь, сегодня вечером мне не придется сдавать экзамен по религиозной иконографии.

Селина сдержала улыбку:

– Постараюсь предупредить тебя, если в этом возникнет необходимость.

Мельсендре, бард Гаспара, пела нежным голосом об ушедшем лете и потерянной любви. Под эту песню Селина шагала среди союзников и врагов, доброжелателей и вероятных соперников.

– Ваше великолепие… – Граф Шантраль, правитель Велуна, перехватив взгляд императрицы, поклонился, и нитка черного жемчуга, прикрепленная к его перламутровой маске, отозвалась дробным перестуком. – Свет, источаемый вами, удержит в наших краях перелетных птиц, поскольку они решат, что лето все еще длится.

С некоторых пор Шантраль настойчиво добивался руки Селины. Поскольку он был безусловно предан императрице и не блистал ловкостью в Игре, Селина сохраняла с ним дружеские отношения, не подпуская чересчур близко, но и не отвергая окончательно.

Платье Селины, цвета слоновой кости, было с глубоким вырезом, и на груди ее, оттеняя утонченно-светлую кожу, сверкал крупный желтый бриллиант в изысканной золотой оправе. В тон ему платье было отделано нитями янтарных слез, которые струились желтыми лентами по корсажу, обретая темно-золотистый оттенок на манжетах и подоле платья. Маска императрицы была подобием утренней, только перья сменились золотой филигранью.

– Ваша доброта согревает душу, как теплые воды озера Селестин, – ответила она, – и хотя, боюсь, птицам все же придется улететь на юг, дабы не погибнуть от зимней стужи, я знаю: грядущей весной они вновь благословят своим полетом небеса Велуна.

Двинувшись дальше, Селина встретилась взглядом с леди Монтсиммар, чья маска была украшена по бокам парой сияющих кристаллов лириума – подарком Первого Чародея орлесианского Круга.

– Косинна, – с дружелюбной фамильярностью обратилась императрица к женщине, которая присела перед ней в глубоком реверансе. – Как же давно мы не виделись! Скажи, понравилась ли тебе утка?

– Соус был божественен, ваше великолепие.

Этим летом леди Монтсиммар и ее муж принимали у себя великого герцога Гаспара. В последние годы козырем этой семьи в Игре стала близость к Кругу магов и, соответственно, возможность воздействовать на него. Мужа Селина полагала опасным, жену – скучной и подозревала, что леди Монтсиммар даже не представляет, насколько шаткой стала ситуация с магами. И сейчас, подтверждая эту догадку, собеседница добавила:

– Однако, по правде говоря, когда мы гостили в Круге магов…

– О, я бы поостереглась обедать у них, – со смешком перебила Селина. – Кажется, всякий раз, когда маги берутся за стряпню, все вокруг сгорает до угольков.

Она проследовала дальше, и леди Монтсиммар оставалось лишь натянуто улыбнуться вслед. Даже не оборачиваясь, Селина знала, что за ее спиной сэр Мишель задержал на леди Монтсиммар жесткий неодобрительный взгляд. Это было безмолвное напоминание о том, что императрица может смеяться и продолжать Игру – либо, если будет на то ее воля, приказать, чтобы голову ее собеседницы насадили на пику. Для себя Селина сделала мысленную пометку: поговорить с мадам де Фер, магом императорского двора, о чересчур тесных отношениях семьи Монтсиммар с магами.

И снова она шла через толпу, обмениваясь приветствиями и сердечными словами, насквозь пропитанными ядом. Следует ли Орлею настоять на более выгодных условиях торговли с Ферелденом, пока дерзкий сосед еще оправляется от Мора? Что надо предпринять, чтобы трагедия Киркволла не повторилась здесь, в Орлее? Неужели университет, в котором обучаются отпрыски благородных семейств, и вправду станет принимать в студенты остроухих? Челюсти затекли и ныли от неизменной улыбки – выражения, наиболее четко видного под слоем косметики на лице, наполовину скрытом маской. За всеми колкостями, звучавшими вокруг, все так же разливался дивный голос Мельсендре.

И наконец это пафосное шествие оборвал громкий хохот великого герцога Гаспара.

Этот низкий, гулко громыхающий рык отдавался эхом над многими полями сражений. Слуги и те, кто пугливей, примолкли, сжались, точно услыхав похоронный звон; иных его властная тяжесть побудила сдавленно захихикать.

Толпа раздалась перед Селиной, открывая прямой путь к великому герцогу и стоявшей перед ним темноволосой женщине-барду. Мельсендре была без маски, хотя лицо ее покрывал обильный грим, к которому прибегали простолюдины, допущенные на собрания знати. Она отвернулась, выражая смущение от только что сказанных слов Гаспара.

Ни единый мускул не дрогнул на лице императрицы, но внутренне она напряглась, ожидая принять и выдержать удар. Селина провела в Игре почти всю свою жизнь. Как бы ни была она готова к бою, как бы тщательно ни продумывала и ни определяла свою тактику, неизменно в один краткий миг она испытывала страх.

Потом этот миг миновал, и вот она уже направлялась к женщине-барду, тайком добавленной в список гостей по велению капитана дворцовой стражи, верного Гаспару. Сэр Мишель уверенно двигался в такт ее шагам, вопреки своему крупному телосложению безупречно выдерживая ритм.

А она хороша, подумала Селина, глядя на Мельсендре. Хороша, но не безупречна. Грим скрывал то, что барду не удалось порозоветь, изображая подлинное смущение, но Мельсендре не смекнула добавить чуточку румян на щеки, дабы в любом случае произвести нужное впечатление на собравшихся вокруг аристократов. Этот крохотный недочет – не ошибка даже, но мелочь, о которой непременно подумала бы сама Селина, – непостижимым образом все упрощал.

– И какой же остроумной шуткой мой кузен вынудил умолкнуть столь прелестный голос? – осведомилась Селина в выжидательной тишине.

Мельсендре неловко замялась, но Гаспар пригнул голову в легком поклоне, едва достаточном для того, чтобы не счесть его манеры оскорбительными.

– Ваше императорское величество, – проговорил он, все еще посмеиваясь, – я лишь указал, что песня этой юной дамы напоминает мотивом «Мабари короля Мегрена».

Знать, окружавшая их, возмутительно развеселилась и захихикала. Улыбка Селины не дрогнула. Первый удар оказался хорош. Песня, которую упомянул Гаспар, была популярна – и совершенно безобидна – много лет назад, когда орлесианцы оккупировали Ферелден. В

ней рассказывалось о злосчастном Мегрене, которого император Флориан послал, вопреки его желанию, править Ферелденом. В каждом куплете бедолага комически раздражался из-за различных сторон примитивной ферелденской культуры, в том числе из-за слюнявого волкодава мабари, который сожрал его маску.

Песня не была под запретом, однако потеряла свою популярность после того, как Мэрик Ферелденский убил Мегрена. Придя к власти, Селина употребила все усилия на то, чтобы укрепить добрососедские отношения между двумя государствами, и оттого песня, в которой высмеивались варварские обычаи ферелденцев, навсегда вышла из моды.

Видимо, до сегодняшнего дня.

– Помню, мои солдаты распевали эту песню на марше, – продолжал Гаспар. – Она напоминала нам о том времени, когда Орлей был готов завоевать весь мир. Бедняга Мегрен, застрявший там, куда не падает взор Создателя! Как безуспешно пытался он прижиться среди собачников!

Герцог был высок и плечист, а жесткий покрой камзола и облегающих штанов, вкупе с серебряной каймой, придавал его одежде сходство с доспехами. Золотую маску Гаспара, в соответствии с цветами его герба, украшали изумруды, и к тому же она была увенчана длинным желтым пером – великий герцог, как и сэр Мишель, принадлежал к числу шевалье.

Остается добавить, что Гаспар стоял шагах в десяти от банна Тегана Геррина, ферелденского посла, чье лицо, не покрытое гримом, исказил откровенный гнев, когда его соотечественников назвали «собачниками».

– То было печальное время для всех нас, – Селина с улыбкой повернулась к послу, – и в эти нелегкие дни Орлей счастлив полагать Ферелден своим другом.

– Ферелден надеется на то же, ваше императорское величество. – Теган благодарно улыбнулся в ответ и поклонился императрице.

– Разумеется, – бросил Гаспар, широким шагом двинувшись к послу. – Что было, то было, верно, Теган? Сейчас-то мы просто два старых солдата.

Он хлопнул банна Тегана по плечу, и ферелденец заметно напрягся от такой фамильярности.

– А вы, милорд, привезли своего пса в Орлей? – невиннейшим тоном осведомилась темноволосая Мельсендре, вызвав новые смешки в толпе.

– Да, привез, – Теган повернулся к ней, стиснув прижатые к бокам кулаки, – но не стал брать на этот бал. Сомневаюсь, что ему понравилось бы угощение.

Аристократы рассмеялись. Не будучи мастером Игры, ферелденский посол оказался достаточно умен, чтобы разглядеть подвох и использовать его себе во благо.

– Надо будет мне, Теган, как-нибудь повидать твоего пса, – заметил Гаспар, целеустремленно продолжая свою игру. – Но сегодня, в честь дружбы между нашей империей и вашим… кхм… королевством, я хотел бы сделать тебе подарок.

Он щелкнул пальцами, и тут же подбежал слуга с длинным свертком, обернутым в густо-зеленый бархат.

Гаспар принял сверток и с широкой улыбкой вручил его Тегану. Неохотно, понимая, что ступает в западню, но не зная, как избежать этого, посол развернул ткань.

Внутри, как и сообщала утром Бриала, оказался меч. Ферелденской работы, предельно строгий, но с едва различимым орнаментом вокруг гарды и крестообразной рукояти – знак того, что меч принадлежал воину благородного происхождения. Видавший виды клинок был иззубрен и кое-где покрыт ржавчиной.

– Великий герцог Гаспар!

Сэр Мишель стремительно шагнул вперед, заслонив собой императрицу. Меч никоим образом не должен был попасть в зал – стражники при входе во дворец проверяли все свертки, чтобы какой-нибудь наемный убийца не пронес оружие. Вот почему Гаспар нынче утром при-

ложил столько усилий к тому, чтобы тайно пронести этот меч во дворец и укрыть в садовом лабиринте.

– Вольно, шевалье. – Гаспар смерил взглядом клинок. – Если б мне довелось выбирать, чем проткнуть человека, кочергой или этой штуковиной, я бы предпочел кочергу. – Он кивнул банну Тегану. – Этот меч сняли с трупа некоей ферелденской дворянки, которая причинила немало хлопот бедняге Мегрену. Кажется, ее звали Мойра. – Глаза великого герцога в прорезях золотисто-зеленой маски заискрились неподдельным весельем. – Наши слуги пользовались им, чтобы бить крыс в погребах.

Теган оцепенел, глядя на лежавший в его руках меч так, как будто в огромном зале не осталось никого и ничего, кроме этого меча. Стиснутые побелевшие кулаки скомкали зеленый бархат.

– Так этот меч принадлежал особе благородной крови? – спросила Мельсендре, добавив в свой голос точно выверенную толику сомнения.

Достаточно, чтобы вызвать в толпе насмешки над иззубренным старым мечом и побудить Тегана к опрометчивым словам, которые можно будет истолковать как оскорбление.

Замысел прост, но действенен. Банна Тегана будут подначивать, пока он, сорвавшись, не скажет лишнее. Тогда Мельсендре потрясенно ахнет, дабы и последний тупица сообразил, что ему следует оскорбиться. После чего Селине придется сделать выбор: велеть сэру Мишелю вызвать банна Тегана на поединок, чтобы защитить честь Орлея, либо промолчать и допустить, чтобы Гаспар прибег к кодексу чести шевалье и бросил вызов лично. При любом исходе отношения между империей и Ферелденом неминуемо испортятся и обе страны станут ближе к очередной нелепой войне.

А ведь именно в военных делах Гаспару нет равных.

Все эти мысли пронеслись в голове Селины, пока Гаспар подливал масла в огонь.

– Что ж, она называла себя Мятежной Королевой, хотя на самом деле больше смахивала на главаря наемников или бандитов с большой дороги. Она думала, что сумеет изгнать нас из Ферелдена.

– И не ошиблась, – проговорил Теган, упорно не глядя на Гаспара. – Мэрик, ее сын, вышвырнул всех вас из пределов нашей страны.

– Жаль, что сама Мойра этого уже не увидела, – заметил Гаспар, с ухмылкой озирая толпу. – Быть может, если бы при ней был один из этих ваших громадных псов…

Среди знати раздались редкие смешки – и этого оказалось достаточно, чтобы довести Тегана до белого каления. Селина увидела, как напряглись его плечи, как он открыл рот, собираясь сказать именно то, чего добивался Гаспар.

– Банн Теган! – окликнула она.

Селина двадцать лет правила величайшей империей в мире и в совершенстве овладела искусством, не повышая голоса, заставить всех замолчать.

Ферелденский посол повернулся к ней, так и не закрыв рта.

Селина и Гаспар вели Игру так долго, что их вражда стала уже сродни старой дружбе, и потому императрица, выступив вперед, одарила кузена едва заметной улыбкой. Прекрасный ход, говорила эта улыбка, и, возможно, в следующий раз тебе хватит умения выиграть… но не сегодня.

– Ваше императорское величество, – проговорил банн Теган.

Он был все так же напряжен, и видно было, как вздулись жилы у него на шее.

– По вашему лицу я вижу, что этот меч пробудил в вас память о прошлом. Оскорбил ли вас Орлей смертью Мойры Тейрин, Мятежной Королевы? – Толпа дружно, как один человек, затаила дыхание. – Требуете ли вы удовлетворения?

Теган поглядел на клинок, затем перевел взгляд на Гаспара. И наконец, поскольку ферелденец, не будучи искушенным в Игре, тем не менее был неглуп, он посмотрел на саму императрицу, мысленно оценил ее позицию – и негромко ответил:

– Да.

Толпа взорвалась криками, и Селина улыбнулась. Гаспар закрыл глаза и покачал головой, уже сознавая, что проиграл. Мельсендре, женщина-бард, смятенно глянула на него, явно не зная, к чему ей следует теперь побуждать толпу.

Селина оглянулась через плечо на сэра Мишеля, чуть приметно кивнула – и защитник императрицы обнажил свой меч. Сильверитовый клинок сверкнул, отливая голубизной, в просторном зале, и расшумевшиеся аристократы мгновенно стихли.

– Тогда вы его получите, – в наступившей тишине сказала императрица. – Сэр Мишель!

– Ваше великолепие? – отозвался рыцарь, держа наготове меч и ни на миг не спуская глаз с банна Тегана.

– Нам бросили вызов, а вы – мой защитник. Готовы ли вы защитить честь Орлея в поединке между особами благородной крови?

– Нет, ваше великолепие, – не мешкая ни доли секунды, ответил сэр Мишель. – Вызов брошен нам, а стало быть, именно мы выбираем оружие для поединка. Пока выбор не сделан, поединок не может начаться.

– Вот как. – Селина выдержала намеренную паузу. – Понимаю. Мне не хотелось бы обагрить едва начавшую крепнуть дружбу между нашими народами благородной кровью, пролитой в защиту былых разногласий. И потому, пользуясь законным правом выбора, для этого поединка я выбираю оружием… перья!

– Превосходно, ваше великолепие. – Сэр Мишель без колебаний выдернул из своей маски длинное желтое перо.

Знать, толпившаяся вокруг, была непостоянна, тщеславна и кровожадна – но это была ее знать. Они охотно упивались бы скандальным зрелищем кровавого поединка, но с той же охотой сейчас восхищались остроумным решением императрицы. Когда сэр Мишель отточенным движением опытного рубаки вскинул над головой перо, толпа восторженно покатилась со смеху.

Банн Теган, заметно успокоившись, опустил зеленый сверток на пол и облегченно улыбнулся императрице:

– Ваше великолепие, мне, к сожалению, нечем сражаться в поединке такого рода. Как видите, мы, ферелденцы, предпочитаем украшать себя не перьями, а мехом.

Для наглядности он поднял отороченные мехом рукава и даже удостоился смешка из толпы.

– И в самом деле. – Селина обернулась к Гаспару.

На губах великого герцога играла учтивая улыбка – так улыбались, потерпев поражение в Игре, чтобы лишить врагов удовольствия созерцать злобный оскал.

– Кузен, вы сегодня уже проявили щедрость по отношению к нашим ферелденским друзьям. – Селина изобразила благодарный жест. – Не будете ли вы так любезны предложить еще один дар?

– С превеликим удовольствием. – Гаспар моргнул, затем поклонился и быстрым, уверенным движением выдернул из своей маски длинное перо.

И вручил этот почетный знак легендарных орлесианских шевалье только что оскорбленному им собачнику-ферелденцу.

Под восторженный хохот толпы сэр Мишель и банн Теган принялись картинно фехтовать перьями. Селина улыбнулась и, обратившись к Мельсендре, попросила спеть что-нибудь праздничное.

Ночью Бриала пришла в спальню императрицы Селины через потайную дверцу, укрытую за высоким настенным зеркалом.

После бала Селина приняла ванну – она часто так поступала – и облачилась в лиловую атласную сорочку. Свечи, горевшей на рабочем столе, едва хватало, чтобы осветить листы, над которыми трудилась императрица. По большей части спальню озарял свет, льющийся из окна, – холодные бледно-желтые лучи осенней луны высоко в небе и теплое оранжевое свечение огней Вал Руайо у самой земли.

– Он заговорил? – спросила Селина, не оборачиваясь и не отрываясь от работы.

Бриала улыбнулась, глядя на свою императрицу. Длинные светлые волосы Селины были еще чуточку влажны после купания и, ловя лунные блики, привольно струились по ее спине.

– Да, хотя я не думала, что ради этого стоило прерывать ваши вечерние занятия. Ваш бывший капитан дворцовой стражи уже сознался, что тайком пронес во дворец подарок Гаспара, и всецело предает себя вашей милости.

– Как трогательно, – усмехнулась Селина и, отложив перо, повернулась к Бриале.

Лицо императрицы, как было всегда, с детских лет, представляло собой более изящную копию ее маски – тонкие черты лица, нежная бледная кожа, алые, от природы прихотливо изогнутые губы.

– А кастелянша?

Бриала замялась, и Селина одарила ее заинтересованной улыбкой. Наконец эльфийка сказала:

– Глупа, влюблена до безумия, но не вероломна. – И добавила, вспомнив, что Дисирелль и Рилен могли высечь, если бы утка не пришлась по вкусу гостям: – Впрочем, умеренное наказание наверняка поможет ей с честью и достоинством претерпеть нынешнее разочарование в сердечных делах.

– Безусловно. – Все еще улыбаясь, Селина встала и шагнула ближе. – Мы сегодня одержали победу над великим герцогом Гаспаром, а победителям пристало великодушие.

Пальцы Селины невесомо скользнули сбоку по шее Бриалы – и маска с негромким щелчком соскользнула с эльфийки.

– В конце концов, Бриа, – продолжала Селина, убрав маску, – надо быть снисходительней к ошибкам, совершенным в безумстве любви.

Щека Бриалы, уже не прикрытая маской, коснулась щеки Селины, и эльфийка вдохнула благоухание роз и жимолости – нежных ароматов недавней ванны. Атласная, прохладная на ощупь сорочка, повинуясь пальцам Бриалы, соскользнула с белоснежных хрупких плеч.

– Как скажете, ваше великолепие, – прошептала Бриала и свободной рукой загасила свечу.

Глава 2

Лемет шел по освещенным факелами трущобам Халамширала, зорко следя за тем, чтобы не наткнуться на грабителей – или людей. Он слышал, что в городах Ферелдена и, быть может, даже в других провинциях Орлея эльфов держат взаперти в отдельных кварталах, называемых эльфинажами. Однако здесь, в Долах, эльфов всегда было больше, чем людей, а потому люди сами предпочли запереться в Высоком квартале.

Интересно, думал Лемет, как устроена жизнь в эльфинажах? Быть может, если эльфов в тамошних городах так мало, то люди и не трудятся посылать по ночам стражу в эльфийские кварталы, чтобы избивать каждого встречного? Быть может, в эльфинажах все улицы чистые, а не только те, что ведут от ворот в Высокий квартал?

Правду говоря, Лемет в этом сомневался.

– Ты свалял дурака, друг мой, – заявил Трен, который недвусмысленно пошатывался на ходу.

– И не говори, – вздохнул Лемет и тут же споткнулся, угодив ногой на расшатавшийся булыжник.

В этой части города жили в основном эльфийские торговцы и ремесленники, и здешние мостовые починки не видели много лет.

– Вместо того чтобы со мной на пару плестись домой, – продолжал Трен, – ты мог бы приятно провести этот вечерок с Джинет. Но нет же – тебе обязательно нужно было ее разозлить!

– Джинет слишком много болтала! – огрызнулся Лемет и вновь огляделся по сторонам. – Только и разговоров, что про давние века. Про Долы.

– Да мало ли о чем болтают в тавернах! Никто ее толком и не слушал.

Трен схватил Лемета за плечо: из проулка за ними пристально наблюдали три юнца, державшие руки на кинжалах. Дальше эльфы шли по дальней стороне улицы и ни разу не оглянулись, пока переулок не остался далеко позади.

– Джинет слишком много думает о прошлом, – первым заговорил Лемет, когда они снова оказались одни. – Это не доведет ее до добра.

– Каким образом? В таверне были только эльфы. – Трен перехватил выразительный взгляд Лемета и закатил глаза. – Ладно. Была парочка плоскоухих, но ты же знаешь, что я имею в виду. Разве Гестан и Тэйл виноваты в том, что их мамаши якшались со знатью и в итоге нарожали полукровок? Вряд ли их пустят жить в чистеньком Высоком квартале только потому, что они выглядят как люди. Нет, друг мой, никто в таверне не станет рассказывать знати, что эльфы вспоминали, как когда-то правили этим городом.

– Да знаю, – буркнул Лемет и остановился.

Впереди перебежал улицу мальчик, тенью промелькнув в маслянистом свете факелов. На вид мальчику было не больше восьми. Стемнело уже давно, так что он наверняка на подхвате у грабителей. В их сторону мальчик не оглянулся.

– Но эти разговоры только злят народ, – продолжал Лемет. – Какие-нибудь сопляки наслушаются россказней о былой славе Долов и о проклятых шемах, предавших нас, – и, глядишь, кому-то взбредет в голову натворить глупостей.

– Например, спорить с аристократом, который не хочет платить за ремонт своих карет? – посмеиваясь, спросил Трен.

– Лорд Бенкур еще не заплатил за новую ось, – Лемет покраснел, – а теперь хочет починить передние колеса. Его слуга сказал, что он за все заплатит, как только я закончу работу.

– Хорошо, наверное, было в старые времена, – мечтательно заметил Трен. – Представь только: велишь своему слуге доставить карету в трущобы к какому-нибудь жалкому человечку и говоришь тому, что расплатишься, когда сможешь.

– Людей тогда вовсе не было. Только эльфы…

Лемет осекся.

– Ты слышал?

– Лошади, – прищурился Трен.

Друзья отошли к ближайшему проулку. Ни один эльф-торговец не глуп настолько, чтобы показаться со своей повозкой на этих улицах после наступления темноты, а это означало, что лошадьми правит человек.

Всякий эльф в Халамширале знал: когда люди приезжают в трущобы, лучше не попадаться им на глаза.

– Думаешь, кто-то из таверны все-таки проболтался? – прошептал Трен.

Стук копыт и колес по булыжной мостовой становился все громче.

– Там же, кажется, были только эльфы. – Лемет одарил друга сердитым взглядом.

Затем, щурясь в темноте, заглянул в проулок. Это был тупик, перегороженный грудой мусора и высокой стеной в том месте, где кто-то попытался расширить свою лавку.

– Ни звука! – прошипел Трен, скорчившись за ящиком.

Лемет упал ничком, стараясь не замечать, что грязь – по крайней мере, он надеялся, что это именно грязь, – сочится сквозь тунику. Друзья притихли, дожидаясь, когда экипаж людей проедет мимо.

Это оказалась карета – роскошная, свежеокрашенная в белый цвет с золотой каймой, с фонариками, которые ярко горели по бокам кучерского сиденья, разгоняя темноту. Сам кучер был массивного сложения, в его кожаный жилет были вшиты ножны для кинжалов, а на подножках с обеих сторон кареты замерли вооруженные стражники. Лемет не мог разглядеть, кто сидит внутри, – красная бархатная занавеска была плотно задернута, и наружу пробивалась только узкая полоска света. Лошади выглядели совершенно одинаково – золотистой масти и с белоснежными гривами.

С грохотом колес – единственным звуком, который нарушал тишину ночной улицы, – карета проехала мимо, и Лемет позволил себе облегченно выдохнуть.

В этот миг из темноты вылетел камень и, лязгнув, отскочил от доспеха одного из стражников.

Трен, который уже было привстал, вновь проворно скорчился за ящиком, а стражник, выругавшись, постучал по стенке кареты. Лемет напряг зрение: камень вылетел из проулка, темневшего по другую сторону улицы.

Не сразу он различил мальчишку-эльфа: тот замер в темноте, занеся для броска руку с другим камнем. Лицо мальчика было искажено гневом, свободная рука сжата в кулак.

Стало быть, отметил Лемет, уже выпрямляясь, он связался с грабителями не по собственной прихоти. Когда нет семьи, которая бы о тебе заботилась, работа на шайку грабителей, быть может, единственное спасение от медленной смерти с приходом зимы.

Лошади пронзительно заржали, и карета остановилась.

Пригнувшись, Лемет перебежал через улицу. Вслед ему летел потрясенный шепот Трена. Лемет схватил мальчишку за плечо, не дав повторить бросок. Мальчик развернулся к нему, хотел ударить, но Лемет перехватил его запястье.

– Они убили мою маму! – выкрикнул мальчишка, безуспешно пытаясь выдернуть руку.

– Тише! – Лемет оглянулся на карету.

Донесся скрип креплений – стражники спрыгнули наземь. Крепления надо бы смазать, отрешенно отметил Лемет.

– Нет у них права ездить тут после того, как они убили мою маму! – упорствовал мальчик. – Нету права!

– Да тише ты! – Лемет толкнул мальчишку вглубь проулка.

Тот поскользнулся и с шумом шлепнулся в грязь. Большие глаза его округлились от страха, и Лемет порывисто шагнул к нему. Проулок сквозной, и если пробежать…

Сокрушительный удар припечатал Лемета к стене, и эльф повалился на землю. Получив безжалостный пинок в ребра, он перекатился на спину и увидел над собой взбешенного стражника – не того, в кого угодил камень.

– Нашел этих стервецов? – раздался из кареты барственно-ленивый голос.

Стражник посмотрел на Лемета, на котором была грязная, но вполне добротная одежда ремесленника, перевел взгляд на мальчишку в краденом тряпье, до сих пор сжимавшего в руке камень.

Ребра Лемета ныли от жгучей боли, по лицу, в том месте, где он ударился о стену, щекотно ползла струйка крови.

Стражник направился к мальчишке.

Лемет схватил его за ногу, обутую в сапог.

– Сколько их было? – осведомился все тот же голос из кареты.

Стражник жестко глянул на мальчишку, затем на Лемета – и наконец едва заметно кивнул.

– Только один, лорд Мансерай, – вслух ответил он и выволок Лемета из проулка.

Стражник, в которого бросили камнем, двинулся к Лемету, обнажив меч. Лемет закрыл глаза и возблагодарил Создателя за то, что не все люди законченные мерзавцы.

Селина просыпалась медленно. Обнимая Бриалу, она наблюдала за тем, как скудные лучи осеннего солнца крадучись проникают в спальню.

Она помнила, как, бывало, в детстве спала допоздна, восстанавливая силы после изнурительного обучения искусству барда либо затянувшегося за полночь светского приема. Тогда Селина, свернувшись под невесомо мягкими одеялами, просыпалась от яркого солнечного света, заливавшего Вал Руайо, и с наслаждением мешкала, постепенно сменяя утехи сновидений на взволнованное ожидание того, что принесет новый день.

Так было до того, как на ее плечи легла ответственность за весь Орлей.

Теперь она вечерами при свете лампы читала отчеты и изучала документы, пока кровь не застучит в висках, пока не станет уже слишком поздно, чтобы выпить еще одну чашку чая. Тогда Селина валилась в постель и с силой зажмуривалась, силясь усмирить свое сознание, которое все металось от одной проблемы к другой, словно песик, гоняющий крыс в винном погребе. Просыпалась она задолго до рассвета, с неистово бьющимся от пугающих снов сердцем и сражалась со своими страхами до тех пор, пока в голову не приходила какая-нибудь идея, достойная того, чтобы встать с постели и ее записать.

И лишь когда рядом спала Бриала, разум Селины обретал недолгий покой.

Сейчас эльфийка тихонько посапывала во сне. Императрица рассеянно провела рукой по волосам своей тайной любовницы. Черные кудри Бриалы, казавшиеся серыми в предрассветной тьме, сейчас, когда солнце залило своим светом спальню, обрели легкий каштановый оттенок.

Грязно-бурые – так называла их Селина, когда Бриала прислуживала ей, будучи еще маленькой девочкой. Цвета лошадиного навоза, всего лишь безобразная тень золотистых локонов Селины. Тогда они были детьми, и Селина еще не знала ценности настоящего друга, которому можно доверять и который не противостоит ей в Игре.

Она перевела взгляд на шею Бриалы, туда, где пульсировала едва заметная жилка. Кожа эльфийки была темнее, чем у Селины, хоть она и редко бывала на свежем воздухе, и вокруг ее глаз не было следов густого загара. Бриала притворялась, будто ей это безразлично, но Селина знала: ее любовница втайне стыдится цвета своей кожи. Не острых ушей, которые выдавали ее

эльфийское происхождение даже под маской, не чудесных влажно блестящих глаз, но именно загорелой, усыпанной симпатичными веснушками кожи.

Селина провела пальцем по обнаженной руке Бриалы и улыбнулась, увидев, что эльфийка открыла глаза.

– Могла бы и сказать, что не можешь уснуть, – проговорила Бриала.

– Ты заслужила отдых, – улыбнулась Селина и поцеловала ее в щеку.

– Что еще происходило на балу и после бала? – осведомилась эльфийка, сладко потягиваясь.

Выскользнув из постели, она направилась к небольшому шкафчику, где стоял, наполнившись за ночь, зачарованный чайник Селины.

– Полагаю, самое интересное ты видела, – улыбнулась императрица.

Она пошарила вокруг в поисках халата; Бриала, заваривая чай, свободной рукой кинула ей халат, и Селина ловко поймала его. Затем продолжала:

– Банн Теган прислал письмо со своей искренней благодарностью и добавил, что возвращается в Ферелден, пока не влип в еще какую-нибудь неприятность. Маркиз де Монтсиммар хочет денег, чтобы нанять солдат для оказания помощи храмовникам в поисках отступников, сбежавших из Круга. После событий в Киркволле таковых немало. И разумеется, Шантраль, граф Велун, все так же считает озеро Селестин столь бесподобно райским местечком, что императрица Орлея непременно должна связать с ним – озером – свою судьбу.

Бриала рассмеялась. Шантраль не менялся с годами – все так же учтив, серьезен и неуклюж.

– Кто-нибудь еще дал о себе знать? – спросила она и, налив чай, вручила Селине чашку с блюдцем.

Селина сделала первый глоток утреннего чая, и узелок напряжения, таившийся в затылке, растаял под напором горячего пряного напитка. Она улыбнулась, вдохнула чайный аромат и отставила чашку, чтобы набросить на плечи халат.

– Спасибо.

– Я, можно сказать, действую в своих собственных интересах. – Бриала с улыбкой покачала головой. – Мне-то хорошо известно, что бывает, если утром ты не получишь свою чашечку чая.

Селина возмущенно фыркнула, взяла чашку и сделала еще один восхитительный глоток.

– Есть новости из Лаидса, – после паузы она наконец ответила на вопрос Бриалы.

– Герцог Ремаш? – Бриала, перебиравшая наряды в гардеробе, с широко раскрытыми глазами обернулась к Селине.

– Незадолго до того, как ты и сэр Мишель разнесли замысел нашего дорогого Гаспара в пух и прах, Ремаш громко заявил, что великий герцог – неотесанный грубый хам. Он сказал, что в этом году Гаспара не пригласят на зимнюю охоту в Лаидсе и что, если я благосклонно отнесусь к его прошению, Гаспар не попадет также и на охоту в Вал Фермине.

Бриала слушала ее и одновременно обдумывала наряд императрицы на день, подбирая украшения, которые наиболее подойдут для запланированных на сегодня событий.

– Это куда щедрее, чем в прошлый раз. Если Ремаш сумеет привлечь знать на свою сторону, Гаспару некого будет призывать к войне с Ферелденом.

– Но ведь я тогда не смогу принимать тебя по ночам, – с улыбкой заметила Селина. – Боюсь, этот брак обойдется мне слишком дорого.

Губы Бриалы дрогнули в усмешке.

– Ты не первая и не последняя монархиня, которая будет принимать по ночам не только законного супруга, – заметила эльфийка ровным голосом, не глядя при этом на Селину. – Время от времени. И если брак с правителем Ферелдена более невозможен…

– Боюсь, что это так.

Некогда в юности Селина надеялась заключением брака достичь того, чего не сумел добиться силой Мегрен с его пресловутым мабари. Имея за спиной добровольную поддержку Ферелдена, Орлей мог бы отразить агрессию Неварры и даже на время забыть о проблеме Тевинтера.

Увы, король Кайлан в то время уже был женат. Помня, сколько крови было пролито, чтобы возвести на трон Ферелдена нового короля, – и сколько всего Ферелдену еще предстоит восстановить после последнего Мора, – любые поползновения Орлея в эту сторону неизбежно будут восприняты как новая угроза.

Селина, конечно, могла бы взять в мужья другого ферелденского аристократа, но это привело бы к прямо противоположной проблеме. Наиболее воинственно настроенные аристократы – такие как Гаспар – хватались бы за мечи, даже если бы Селина вышла замуж за самого короля Ферелдена. Их бы возмутило то, что правительница величайшей империи унизилась до брака с повелителем собачников, предпочтя его одному из своих высокородных подданных. Стань ее мужем кто-то рангом ниже короля – и негодующих стало бы в несколько раз больше.

В глубине души Селина и сама бы к ним присоединилась.

– Это стоит обдумать. – Бриала прервала размышления Селины.

Оглянувшись, та увидела, что эльфийка уже наливает ей вторую чашку, все так же не поднимая глаз.

– Не стоит. – Селина взяла Бриалу за плечо и легонько приподняла ее подбородок, чтобы взглянуть в прекрасные глаза своей любовницы. – Если я и свяжу свою судьбу с каким-нибудь лордом, то уж, верно, не ради одних лишь отменных охотничьих угодий на низинах Довин.

Быть может, это слишком эгоистично. Быть может, это даже непростительная ошибка в Игре. Но Селина уже слишком многим пожертвовала в своей жизни ради Орлея… так же как и Бриала.

– Ваше величество… – Взгляд Бриалы смягчился.

– А теперь скажи, чего мне ждать сегодня от министра торговли?

– Он станет просить тебя одобрить изменение налогов на торговлю по всей территории Долов. – Бриала повернула Селину спиной к себе и стянула с нее халат. – Доход с этого края в последнее время снизился, а потому министр торговли предложит незначительно увеличить налог с фургона.

– Но… – выдохнула Селина, когда пальцы Бриалы принялись за ее спину, разминая уже напряженные мышцы, которым предстояло выдержать целый день в тугом корсете.

– Он метит в эльфов-торговцев.

Ловкие пальцы Бриалы пробежались по плечам Селины, затем спустились по позвоночнику – и императрица чуть откинулась назад, навстречу рукам своей возлюбленной.

– Впрочем, на самом деле худо придется всем небогатым торговцам. Они возят товары в маленьких фургонах, а вот у торговцев, которым покровительствует знать, фургоны гораздо больше. Рост налога на фургон будет для знати, скорее всего, неощутим, но многих менее зажиточных торговцев он просто разорит.

– Что, если увеличить налог на каждый стоун груза? – спросила Селина. – Этот налог будет учитывать вес любого груза, а значит, равномерно повлияет и на богачей, и на бедняков.

– Мне придется проверять все подсчеты, но, пожалуй, этот ход может принести прибыль и казне, – ответила Бриала, продолжая разминать спину императрицы.

– Спасибо.

Селина взглянула в окно. Солнце уже поднялось над горизонтом, и спальню наполнял дневной свет. Без особой охоты она вновь набросила халат и отступила от умиротворяющих пальцев Бриалы.

– Узнай, пожалуйста, что сегодня поделывает Гаспар. Если капитану стражи больше нечего сообщить нам, быть может, придется потолковать с этим бардом.

– Формально она пока еще работает на Гаспара. Мои подручные потеряли ее след. Сейчас они заняты поисками, но орлесианского барда нелегко найти, если она не хочет, чтобы ее нашли.

– О да. – Селина улыбнулась. – Что, по-твоему, выбрать: заколку с сапфирами или сеточку из антиванских бриллиантов?

Бриала сдвинула брови и, держа в руках обе безделушки, испытующе оглядела Селину:

– Сапфиры тебе больше к лицу, но для встречи с торговцами… Бриллианты из Антивы – прямое напоминание о наших торговых связях.

Селине еще раньше пришла в голову та же мысль.

– В таком случае принесем мой модный шик в жертву уместной символичности.

С улыбкой Бриала шагнула к императрице и одарила ее нежным поцелуем:

– Вы святая великомученица, ваше великолепие.

Она взяла с туалетного столика свою маску, направилась к зеркалу, за которым был спрятан проход в ее комнату, и скрылась из виду.

Селина поднесла чашку к губам и сделала глубокий вдох. Допив вторую чашку, она позовет слуг, и тогда Бриала, а с нею прочие девушки придут одевать императрицу, трудиться над ее прической, наносить на лицо дневной макияж.

И никто из них, кроме Бриалы, не будет знать о первой чашке чая, которую выпила Селина этим утром. Или о кратких тайных мгновениях, подаренных женщине, рядом с которой Селина могла заснуть по ночам.

Гаспар кивнул, отвечая на поклон Шантраля, графа Велуна, и жестом пригласил его сесть. Маркиз де Монтсиммар был уже здесь и неспешно потягивал свой бренди.

Они находились в курительной комнате дома, который Гаспар содержал в Вал Руайо. Темно-красные стены и изысканные столы из железного дерева были украшены трофеями – равно охотничьими и боевыми. В одном углу, рядом с огромным мечом порождения тьмы, красовалась оскаленная голова оборотня, а на столе перед ними в изящной хрустальной вазе стояла роза, вырезанная из цельного куска янтаря, – приз, выигранный Гаспаром на турнире в давние дни юности.

Гаспар махнул рукой слуге, который ввел в курительную Шантраля, и слуга поспешно удалился, закрыв за собой дверь.

– Хотите выпить? – спросил Гаспар.

Шантраля передернуло, отчего нелепые нити черного жемчуга на его маске отозвались сочувственным перестуком.

– Боюсь, если я позволю себе увлечься выпивкой, то вряд ли долго удержусь в седле.

Шантраль, подобно Гаспару и Монтсиммару, сменил сегодня обычный придворный наряд на кожаный костюм для верховой езды. Императрица пригласила аристократов Вал Руайо на охоту, которая ожидалась сегодня днем.

– Отчего же? – смеясь, спросил Монтсиммар.

Этот крупный мужчина в молодости был неплохим воином, но заметно расплылся с тех пор, как тяжелая рана в большом сражении лишила былой силы его правую руку и вынудила навсегда распроститься с мечом. Тем не менее он до сих пор носил длинное желтое перо, прикрепленное к лириумной маске, – отличительный знак шевалье.

– Неужели ты, Шантраль, так и не научился пить, не пьянея? Чем еще заниматься в Велуне, кроме доброй выпивки?

Шантраль мгновенно напрягся, и Гаспар примирительно вскинул руку:

– Господа, успокойтесь. Монтсиммар, не будьте ослом.

Маркиз усмехнулся и, подняв бокал, сделал изрядный глоток.

– Итак, Шантраль, – продолжал Гаспар, – как вам вчерашнее представление на балу?

Граф опустился в огромное мягкое кресло, снова брякнув своими дурацкими жемчужинами.

– Милорд, меня оно встревожило, – и добавил, обращаясь к Гаспару: – Вижу, вы вернули себе перо.

– Да у нас дюжины этих перьев, – усмехнулся Монтсиммар. – Они вечно ломаются и пачкаются, даже если носить их только на балах. Что до турниров – если перо не приходится менять после каждой стычки, считайте, что вам повезло.

– И тем не менее, – с нажимом сказал Гаспар, показав на новое перо, которое было прикреплено к его маске, – суть дела от этого не меняется. Вместо того чтобы ответить на вызов достойной дуэлью, Селина предпочла раскланяться перед Ферелденом.

– Превратив знак орлесианских шевалье в игрушку, – прибавил Монтсиммар уже без малейших признаков былого веселья. – С тем же успехом она могла бы сыграть в мяч императорской короной.

– Как вам хорошо известно, я не шевалье… – начал Шантраль.

Гаспар подумал, что это явное преуменьшение. Чопорный и щуплый граф Велун, вероятнее всего, никогда не проливал крови в бою. Все же и ему была ведома доблесть – что недвусмысленно показали его следующие слова:

– Однако и я люблю Орлей. Мой отец пал, сражаясь в Ферелдене. И я не желаю, чтобы его жертвенная гибель обернулась мимолетной забавой по прихоти императрицы.

– Вы не одиноки. – Гаспар одарил графа улыбкой, которую часто использовал на турнирах, улыбкой, которая вынуждала соперников гадать, что же такое известно великому герцогу, чего не знают они? – Нас много – мужчин, готовых спасти Орлей от женщины, которая того и гляди вручит его нашим врагам с поцелуем в придачу, да еще и помашет вослед.

Шантраль застыл:

– Милорд, вы ведете речь о государственной измене!

– Шантраль, я веду речь о благе нашей империи.

Гаспар подавил вздох. Граф прекрасно осведомлен о цели этой встречи, но его, точно нервную дворянскую барышню, надобно еще подвести к верному решению.

– Селина правит уже двадцать лет, но до сих пор не желает выходить замуж, даже сейчас, когда наша империя отчаянно нуждается в незыблемости и силе. Она заигрывает с Ферелденом и морочит голову вам, а между тем наши маги и храмовники смотрят на то, что творится в растреклятой Вольной Марке, и проникаются опаснейшими настроениями. Селина же не предпринимает ничего. – Гаспар одним большим глотком осушил свой бокал, резко выдохнув, когда бренди обжег ему горло. – И вот этим, смертельно опасным для страны бездействием она сама совершила государственную измену.

Наступило долгое молчание. Монтсиммар быстро взглянул на Гаспара, и тот едва заметно покачал головой. Да, они рисковали, но это был рассчитанный риск. Даже если Шантраль откажется к ним присоединиться, добиться его молчания наверняка можно, и не прибегая к насильственным мерам. Притом, будучи шевалье, Гаспар никогда не опустился бы до того, чтобы подло зарезать человека посреди курительной комнаты.

– Полагаю, – сказал наконец Шантраль, – что я все же выпью вашего бренди.

– Молодчина, – одобрил Монтсиммар и, наполнив бокал, передал его Шантралю.

Пальцы графа, принявшие бокал, заметно дрожали.

Гаспар улыбнулся. Селина, по всей вероятности, считает, что выиграла вчерашнюю схватку, и, возможно, в глазах придворных фатов и щеголей так оно и есть. Вот только Орлею в предстоящей войне нужны будут совсем не такие люди.

– Я намерен, – вслух сказал Гаспар, – заговорить с ней сегодня на охоте и сделать ей предложение руки. Быть может, она наконец внемлет голосу разума, и тогда этот наш разговор останется лишь праздной болтовней за бутылкой.

– Вам нелегко будет излагать свои доводы на виду у всей знати, – заметил Монтсиммар, снова наливая себе из графина. – Не говоря уж о ее проклятом защитнике.

– Я найду способ поговорить с нею с глазу на глаз, – посмеиваясь, сказал Гаспар. – Что касается защитника… полагаю, сегодня он может оказаться не у дел.

Немало лет миновало с тех пор, как сэр Мишель в последний раз дрожал от страха, – но именно это произошло, когда он увидел записку на кровати в своих покоях. Страх обрушился на него, точно удар грома, лицо окаменело, и кожу на нем стянуло так, что разом заныли все зубы.

На сложенной записке было начертано: «Сэру Мишелю де Шевину». «Сэру Мишелю» было написано изящным и четким почерком, а «де Шевину» – криво и небрежно. Сторонний человек мог бы подумать, что рука пишущего дрогнула или же сломалось перо.

Мишель развернул записку. Там были указаны только время и место – более ничего. Подпись отсутствовала.

Будучи защитником императрицы, Мишель знал ее распорядок дня наизусть. Этим утром она встречалась с министром торговли – заурядное мероприятие, которое не предполагало его присутствия. Однако во второй половине дня должна состояться охота, на которую приглашены те аристократы, что задержались в Вал Руайо после бала. К этому времени Мишель должен быть подле нее – как приличия ради, так и благодаря общеизвестной истине, что многие титулы меняли своих хозяев из-за «несчастного случая на охоте». Если постараться, чтобы встреча так или иначе оказалась короткой, он вернется вовремя.

Защитник императрицы занимал особое, отдаленное от прочих положение при дворе. Хотя имя «де Шевин» говорило о знатном происхождении, Мишелю полагалось отринуть все честолюбивые устремления и хранить преданность только императрице и кодексу шевалье. Мишель присягал защищать Селину от убийц и сражаться от ее имени на всех поединках, однако он был не только телохранителем, но и доверенным лицом; посвященный в тысячу тайн, он должен был служить глазами и ушами императрицы там, где не присутствовала она сама. В любой схватке, в любом окружении он оставался воплощением самой императрицы, точно так же, как великий герцог Гаспар, пребывая в Тевинтере или Ферелдене, воплощал собою символ могущества Орлея.

Хотя, мысленно признал Мишель, одеваясь, такое сравнение Гаспар сейчас вряд ли бы оценил.

Он оделся для прогулки верхом. Рукава куртки и наружная сторона штанов были укреплены стальными вставками. Пускай подобное облачение и не защищало Мишеля также надежно, как полный доспех, в нем было легко двигаться, и это давало определенные преимущества в вероятной схватке. Сегодня Мишель не мог облачиться в доспехи. Сегодня он был живым воплощением пустого места.

Он оставался в маске, покуда не вышел из дворца, воспользовавшись, никем не замеченный, дверью для слуг – а затем убрал маску в потайной карман куртки. Идя по Вал Руайо без маски, Мишель ничем не выделялся из толпы. Он равно мог быть и купеческим сынком, и солдатом в увольнении.

Спешить было незачем, но смятение подхлестывало его, заставляя невольно ускорять шаг. Вскоре Мишель уже покидал богатые кварталы близ дворца. Глянув налево, он различил полосу зелени, протянувшуюся ниже башни. Пару минут спустя полоса превратилась в парк, который располагался на приземистом холме, благодаря чему был виден почти со всех концов города. Башня, высившаяся на вершине холма, служила центром небольшой крепости – Академии шевалье.

К услугам посетителей академии была узкая тропа, рассекавшая парк. По траве парка, согласно древней традиции, могли ступать только шевалье и ученики, которые использовали парк для упражнений.

Подобную сцену увидел сейчас Мишель: десяток юношей – и одна-две девушки – в громоздких учебных доспехах карабкались на деревья. Кряхтя от напряжения, они добирались до самых высоких веток, хватали яркие лоскутья и неуклюже спускались вниз, подгоняемые окриками своего наставника. Едва их ноги касались земли, им совали в руки утяжеленные мечи и щиты и сержанты атаковали их с обмотанными тканью шестами. Мишель вспомнил, как горели от боли легкие, как изнуренные руки болтались, словно ветки на ветру, когда он пытался удержать перед собой щит. Когда упражнение завершалось, сержанты хватали лоскутья, забрасывали их на деревья – и все начиналось сызнова. Мишель спрятал усмешку, когда кто-то из учеников оступился и кубарем покатился наземь. Судя по лицу наставника, парнишке назавтра предстояло несколько дополнительных тренировок.

Годы, которые Мишель провел в Академии, были лучшими в его жизни. Он поступил туда, имея лишь рекомендательное письмо от графа Ги де Монфора, которое подтверждало его благородное происхождение, и набитый золотом кошелек в оплату обучения. Он упражнялся с рассвета и до заката, обучаясь правильно стоять, дышать, заставлять тело двигаться, когда мышцы отказываются подчиняться. Он научился владеть двуручным мечом, мечом и щитом, парными длинным и коротким клинками. Он узнал, как заставить обученного боевого коня двигаться так, словно ноги животного – твои собственные ноги, как вести бой на необученном коне и при этом не дать себя убить. Он сражался в пластинчатых латах, кожаном доспехе и кольчуге и научился не задумываясь использовать особенности любого вида брони, чтобы получить преимущество в бою.

А еще он узнал гордую историю шевалье. Он научился ставить долг и доблесть в сражении выше своей жизни. Научился подставлять свой щит, чтобы блокировать удар, предназначенный соратнику, принимать свою смерть как неизбежный исход жизни, прожитой во имя чести.

Когда испытания в академии завершились, Мишеля и других старших учеников вывезли в город. Их разлучили с дворцом, с книгами по истории, с повествованиями о доблести. Их загнали в кареты и после наступления темноты повезли в трущобы.

Ваши тела были испытаны и признаны сильными, сказали наставники. Ваши умы были испытаны и признаны острыми. Наставники пустили по кругу бурдюк с крепким вином, вытолкали учеников из карет и сказали: теперь испытайте свои клинки. Трижды в этом году эльфы, живущие на здешних улицах, подняли руку на орлесианского лорда и один раз – на леди. Идите же и свершите правосудие орлесианских шевалье.

Мишель знал, что, скорее всего, эта история – ложь, а если и нет, им не дано узнать, кто именно из эльфов совершил преступление. А еще он знал, что целью этого последнего испытания были отнюдь не поиски истины. В ту ночь он испил вина и испытал свой клинок.

Сэр Мишель де Шевин никогда не оглядывался назад.

Он повернул прочь от Академии шевалье и двинулся в трущобы.

Вскоре он вошел в таверну, упомянутую в записке. Это была убогая дыра, и в такую рань здесь торчали только запойные пьяницы да воры, которым больше некуда было податься.

Мельсендре, темноволосая женщина-бард, выступавшая вчера на балу, сидела одна за ветхим колченогим столом. Платье она сменила на кожаный костюм, а у бедра вместо лютни висели ножи. Увидев Мишеля, Мельсендре улыбнулась.

– Сэр Мишель, – проговорила она, и в ее медоточивом голосе зазвенело веселье. – Ваш приход оказывает этому заведению великую честь.

Мишель сел напротив:

– Зачем я здесь?

– Быть может, мне захотелось, чтобы вы вспомнили свое детство, – сладко улыбнулась Мельсендре.

Пальцы Мишеля стиснули край стола с такой силой, что ветхое дерево заскрипело.

– Ох уж эти шевалье, – продолжала она, – совершенно лишены чувства юмора. Всякий раз, когда я имею с ними дело, мне приходится заново заучивать этот урок. Таковы уж, понимаете ли, издержки свободной профессии. И кстати, о чувстве юмора. Интересно, станут ли шевалье смеяться, когда обнаружат, что благородное происхождение одного из их выучеников весьма и весьма сомнительно? Как вы полагаете, сэр Мишель?

– Думаешь, ты первая, кто пытается уязвить меня тем, что я лишь дальний родич де Шевинам, что происхожу из угасшего рода?

Мишель ожег женщину-барда неприязненным взглядом – та лишь изогнула ухоженную бровь – и твердым, уверенным голосом продолжил:

– Сомневаться в моем происхождении, бард, значит подвергать сомнению мою честь. Придется вытерпеть официальное расследование, но затем я буду оправдан, а вот ты наверняка заплатишь за оскорбление жизнью.

Мельсендре ничего не ответила.

Что ж, попытаться стоило. Мишель смягчил тон:

– Впрочем, в официальных расследованиях мало приятного, да и я не заинтересован в твоей смерти. Чего ты хочешь? Вряд ли ты позвала бы меня сюда, если бы тебе ничего от меня не требовалось.

Женщина-бард усмехнулась и щелкнула пальцами. За спиной у Мишеля все, кто был сейчас в таверне, обнажили клинки.

– Сэр Мишель, – сказала Мельсендре, – вы уже доставили все, что мне нужно.

Глава 3

Мишель вслушался в металлический шорох, с которым клинки выскользнули из ножен.

– Шестеро?

– Семеро, ну да к чему мелочиться? – Женщина-бард усмехнулась.

Мишель развернулся, пинком опрокинул стул на подбиравшихся сзади головорезов и приступил к делу.

Его клинок – не парадное оружие защитника императрицы, а обычный длинный меч из красной стали, вполне добротный в бою и достаточно заурядный, чтобы не привлекать внимания, – вылетел из ножен и тут же вошел в горло ближайшего в безупречно исполненном приеме «Дуэлянт Ловит Яблоко».

Никто из нападавших не успел еще даже двинуться с места, и когда раздался потрясенный крик, Мишель толкнул умирающего на его товарища и безукоризненно точным ударом из серии «Второй Щит» проткнул насквозь тело первого противника и поразил второго. Затем он выдернул меч, и оба повалились замертво.

Из семерых осталось пятеро. Мельсендре обнажила кинжал, но вступать в бой не спешила.

Остальные головорезы ринулись вперед, размахивая мечами, и Мишель бросился им навстречу. Одним широким взмахом клинка он отразил большинство ударов справа, принял удар слева на укрепленный рукав куртки и вырвался из круга, в котором его попытались зажать.

Второго клинка у него не было, так что большинство приемов серии «Медведь Калечит Волков» здесь не подходило. Мишель пинком отправил опрокинутый стул налево, чтобы создать помехи противникам, потом ушел вправо и, держа меч обеими руками, низким выпадом рубанул ближайшего врага по коленям. Бандит, оказавшийся перед ним, попытался блокировать его удар, но Мишель, пользуясь преимуществом двуручной хватки, изменил направление выпада и ударил снизу вверх, оставив на лице противника неглубокий, но скверный разрез.

Четверо. Мельсендре обеспокоенно поглядывала на Мишеля, держась так, чтобы их разделял стол.

Мишель сделал выпад влево, лишь на звук отразив удар, шагнул вперед и что есть силы врезал противнику эфесом в лицо. Тот оказался слишком близко, чтобы можно было проткнуть его мечом, и тогда Мишель, применив еще одну коварную уловку из «Второго Щита», сделал выпад мимо него и рассек колено тому, кто, не ожидая удара, держался позади товарища. Мишель зарычал и рванулся вперед, вынуждая обоих врагов к отступлению. Они ударились о стол и упали, и Мишель, отступив на шаг, прикончил их парой точных ударов.

Трое – нет, двое. Краем глаза Мишель заметил, что Мельсендре метнулась к наружной двери.

Он развернулся, но недостаточно быстро, и пропустил удар головореза, остававшегося сзади. Бок пронзила жгучая боль. Мишель скривился, отвел следующий удар, рубанул по запястьям нападавшего, а затем ударом крест-накрест располосовал ему горло.

Остался один. Бард.

Мишель стремглав ринулся к выходу, выскочил наружу, лихорадочно высматривая Мельсендре, пока она еще не скрылась в рыночной толпе.

Что-то мелькнуло на краю зрения, стремительно приближаясь к нему. Мишель развернулся и взмахнул мечом.

Тонкий полотняный мешочек лопнул при ударе, обдав лицо Мишеля облачком зеленой пыли.

Он зашатался, попятился, давясь кашлем. Нестерпимая боль обжигала глаза и горло. Ослепленный, мучимый удушьем, Мишель желал сейчас только скорчиться бессильным клуб-

ком на земле. Но годы обучения удержали его на ногах, принудили вскинуть меч и круговым взмахом попытаться отразить невидимую атаку…

Бесполезно. Что-то тяжелое обрушилось на затылок.

Мишель повалился наземь и, теряя сознание, успел подумать, что наставники были бы им недовольны. Ведь он забыл, что первым следует убивать барда.

Селина испытала крайнее недовольство, обнаружив исчезновение своего защитника, когда пришло время отправляться на послеобеденную охоту в ухоженные леса под стенами Вал Руайо. После победы, одержанной на вчерашнем балу, она полагала жизненно важным не останавливаться на достигнутом и удержать Гаспара на оборонительных позициях – хотя бы на те пару недель, которые необходимы Верховной Жрице Джустинии, дабы собраться с духом и решительно выступить от имени Церкви по поводу растущей вражды между храмовниками и магами. Охота должна была предоставить императрице возможность выявить среди знати тех, кто еще не определился с позицией, и подтолкнуть их в нужном направлении. А также наглядно показать сторонникам Гаспара, что любые действия, направленные против нее, приведут к неприятным последствиям.

Сэр Мишель всегда был воплощенная ответственность и пунктуальность. Он не оставил никакого сообщения, а потому было очевидно, что отсутствует он не по своей вине.

Селина отправила Бриалу на поиски. Затем, поскольку отменить охоту означало бы проявить слабость, она велела привести свою ослепительно-белую кобылку, расправила юбки костюма для верховой езды и двинулась в бой.

Знатные господа и десяток дам, прилично ездивших верхом, слуги знатных господ и дам, охранники Селины, егеря, занимавшиеся мелочами, заботиться о которых аристократы считали ниже своего достоинства, – народу набралось достаточно, чтобы обеспечить безопасность императрицы и в отсутствие ее защитника. Вся эта кавалькада ехала через лес – обихоженный тщательно, но не чрезмерно, так, чтобы и было где поохотиться, и неопытный всадник не угодил в беду. Вокруг Селины стоял неумолчный шум. Слуги грубо рявкали на своих подручных, раздавая распоряжения, аристократы болтали и смеялись, то и дело взлаивали гончие псы. Дамы облачились в платья для верховой езды, господа щеголяли кожаными костюмами того же предназначения, и все эти наряды были отделаны серебром, золотом и лентами, которые подбирались под цвета особых, предназначенных для этого случая масок. За хозяевами тянулись слуги, неизменно готовые метнуться с бокалом вина или вертелом, на который насажены ломтики мяса, сыра и вымоченных в вине фруктов к тому из всадников, кто предпочтет охоте возможность подкрепиться.

Селина ехала в ледяном молчании, на губах ее застыла учтивая улыбка. В смятении, распоряжаясь о поисках сэра Мишеля, она не стала пить чай перед отбытием на охоту и оттого чувствовала себя взвинченной и в то же время угнетенной.

Рядом с нею, там, где обычно находился сэр Мишель де Шевин, ехал великий герцог Гаспар.

– Как, Гаспар, вы не взяли с собой лук и стрелы? – окликнул маркиз де Монтсиммар, вплотную подъехав к ним на своем жеребце.

– Нет, – Гаспар обернулся, – не хотел смущать благородных господ видом крови.

– Что же вы тогда будете пить, кузен? – осведомилась Селина, не удостаивая его взглядом.

Гаспар рассмеялся.

– Без лука и стрел вам добычи не видать, – вставил лорд Шантраль.

Он был заметно взволнован и ерзал в седле.

– Если понадобится, – ответил Гаспар, все еще улыбаясь, – я прибегну к перу.

Гости императрицы тотчас притихли.

– Не самый удачный выбор, – заметила Селина, – помня то, как легко вас обезоружили вчера вечером.

Собравшиеся рассмеялись, но это был скорее нервный смешок, нежели дружный одобрительный хохот. Быть может, она переоценила вчерашнюю победу?

Далеко впереди залаяли псы, погнавшие добычу. Селина повернулась к своим спутникам.

– Вперед! – бросила она.

Кивнув охранникам, императрица пришпорила белоснежную лошадку и поскакала вглубь леса.

Эта выходка застигла гостей врасплох: обычно охота императрицы больше напоминала увеселительную прогулку, и охотники всей компанией, не разделяясь, прочесывали лес в поисках загнанного гончими зверя, чтобы добить его ударом меча или выстрелом из лука. Однако пикировка с Гаспаром выбила Селину из колеи, и ей требовалась передышка, чтобы собраться с силами для следующей стычки. Белая лошадь уверенно неслась вперед, стремительно отдаляясь от охотников – те уже рассыпались по лесу, и каждый стремился первым настигнуть добычу.

Стук копыт сзади развеял это недолгое заблуждение. Селину нагонял могучий тяжелый конь под опытным всадником, и она, решив не ударяться в притворное бегство, перешла на рысь. Мгновение спустя ее нагнал Гаспар.

– Ваше императорское величество, – проговорил он.

– Кузен, – отозвалась Селина.

В считаные секунды кавалькада охотников оказалась за пределами слышимости, и двое всадников в одиночестве ехали бок о бок по удобной ухоженной тропе.

– Так или иначе, брать с собой лук и стрелы было бы ни к чему, – после некоторого молчания заметил Гаспар.

– Вы настолько неумелый охотник? – осведомилась Селина.

– Вовсе нет. – Гаспар засмеялся. – Просто эти леса слишком мирны и безопасны. Почти что парк. Я предпочитаю охотиться в Лаидсе.

– В таком случае жаль, что этой зимой вы не сможете побывать на охоте у герцога Ремаша.

– На самом деле Ремаш прошлым вечером после бала пригласил меня принять участие в охоте. – В голосе Гаспара зазвучали жесткие нотки. – По его словам, в лесу сейчас стало так опасно, что он будет только рад обществу человека чести.

– Ах, да перестань ты! – с досадой бросила Селина. – Все равно здесь нет никого, кроме нас.

Гаспар на мгновение смолк, а потом разразился хохотом.

– Дыханье Создателя! – воскликнул он, хлопнув себя по ноге. – Надо отдать тебе должное, Селина, мужества тебе не занимать. Будь ты мужчиной, из тебя вышел бы отменный полководец.

– Именно поэтому ты и плетешь против меня заговоры? – Она оглянулась на Гаспара. – Оттого, что я не мужчина?

Великий герцог задумался, и, судя по всему, непритворно.

– Нет, – ответил он наконец, – настоящая причина в том, что ты – это не я.

– Как и весь прочий род людской. – Селина покачала головой.

Что ж, по крайней мере, он честен в своем безрассудстве.

Они выехали на прогалину, и Селина придержала лошадь.

– На твоей стороне Монтсиммар, а теперь и Шантраль, и ты утверждаешь, что Ремаш также примкнул к тебе.

– Не только он, – пожал плечами Гаспар. – Полагаю, с пером ты хватила через край.

– И ты рискнешь Орлеем, чтобы заполучить трон? Именно сейчас?

– Безусловно.

Селина сделала гневный жест:

– Уж ты-то должен понимать, что маги и храмовники вот-вот схлестнутся в открытой войне – если только мы не найдем способ это предотвратить!

– Схлестнутся наверняка, и я не вижу, чтобы ваше великолепие хоть пальчиком шевельнули, дабы их остановить.

– А я, великий герцог, не понимаю, чем нам поможет вторжение в Ферелден! – Селина одарила Гаспара испепеляющим взглядом. – Если бы вчера вечером ты убил банна Тегана, к весне из-за твоей прихоти гибли бы наши солдаты.

– Добрая война способствует единству империи. Быть может, именно так нам и следовало бы поступить – чтобы эти недоумки из Церкви и Круга проливали кровь иноземцев, а не своих сограждан.

С этими словами Гаспар поднял руку и, к изумлению Селины, снял маску.

Немало лет прошло с тех пор, как она в последний раз видела лицо великого герцога. Черты его были все так же по-ястребиному хищными и жесткими, и он явно проводил немало времени на свежем воздухе – лицо заметно загорело в тех местах, где его обычно не прикрывала маска.

Такой поступок был равносилен вызову.

Помедлив немного, Селина тоже сняла маску. Гаспар, все еще улыбаясь, едва заметно кивнул.

– Знаешь, – сказал он, – ты ведь права. Нам сейчас и вправду нужна сильная империя. Нельзя предаваться интригам в личных интересах, когда надвигается война.

– Но ты именно этим и занимаешься, накаляя наши отношения с Ферелденом и утверждая, будто я бездействую, не пытаясь предотвратить распад Церкви!

Гаспар изогнул бровь:

– Ты уступаешь власть Джустинии.

– Я даю Церкви один-единственный шанс воссоединиться, прежде чем вынуждена буду войти в историю как Безумная Императрица, утопившая Орлей в крови орлесианцев.

– Селина, – великий герцог покачал головой, – ты всегда слишком много думала о том, что скажет про тебя история.

И, вдруг подавшись к ней, добавил:

– Выходи за меня замуж.

Этот поворот застал Селину врасплох, и она знала, что выражение лица выдало ее с головой. Селина выругала себя за то, что поддалась на провокацию Гаспара и сняла маску.

– Ты слишком много позволяешь себе, кузен.

– У тебя стальная воля, Селина. – В голосе Гаспара не было ни тени иронии или веселья. – Меня это восхищает.

– Твоя жена убила мою мать.

– И за это ее убил твой отец, – отпарировал Гаспар почти равнодушно, – а потом и сам умер, скорее всего, из-за отравленного стилета, который всегда прятала в рукаве Калиенн. И это была Игра, в коей исправно принимали участие обе наши семьи. Если ты предпочитаешь цепляться за память о пролитой в прошлом крови, нежели спасти Орлей, значит я тебя переоценил.

Он медленно выдохнул, глядя на Селину, и на губах его заиграла легкая улыбка.

– Я думал, что после смерти родителей ты выбыла из Игры. Так же считали и герцог Бастьен, и герцог Жермен. Мы все ошибались.

Он повел рукой, очертив взмахом окружающий лес, словно охватывал таким образом весь Орлей.

– Тебя заботят университет, договоры, балы и празднества. Мне все это безразлично. – Гаспар усмехнулся вновь, и эта усмешка походила на оскал хищника. – Зато я могу уберечь Орлей, сколько бы крови это ни стоило. Вместе мы могли бы спасти эту империю.

То, что они находились в дальнем родстве, не имело особого значения, и, по правде говоря, такой брак действительно мог бы объединить Орлей. Селина на мгновение задумалась, непритворно взвешивая предложение Гаспара, не сводя взгляда с великого герцога, который с открытым лицом восседал перед нею на своем огромном боевом коне, горделивый и сильный.

И все же в конце концов отрицательно покачала головой:

– Гаспар, мне нужны твоя мудрость и сила для защиты империи. Но муж мне не нужен.

Гаспар тряхнул головой.

– Надо же было попытать счастья, – пожал он плечами.

И вдруг с проворством, несвойственным людям такого крупного сложения, бросил своего коня вплотную к Селине. Рука его тяжело легла на ее плечо.

– Твоя охрана сейчас далеко, Селина, – процедил Гаспар с искаженным лицом, – а твой хваленый защитник, судя по всему, выбыл из игры. Я не был причастен к смерти твоей матери, – на мой взгляд, вся эта история отвратительна, – зато я знаю, как устроить несчастный случай на охоте.

Пальцы Селины обхватили его запястье, и он, вскрикнув от боли, рывком отпрянул назад. Рука его задымилась, тонкая ткань рукава оказалась обуглена. Великий герцог судорожно прижал к груди поврежденное запястье.

– Гаспар, я взошла на трон в шестнадцать лет, после того, как твоя жена убила мою мать. – Селина подняла руку, показывая ему кольцо со сверкающим рубином, который сейчас полыхал огнем. – И нет, у меня нет ни малейшего желания говорить сейчас о кровавом прошлом нашей семьи. Я и так все прекрасно помню. – Ловким движением пальцев она вытряхнула нож из потайных ножен на рукаве, вскинула его – и лезвие ножа охватили язычки пламени. – И я правлю Орлеем вот уже двадцать лет не только с помощью балов и празднеств.

Рука Гаспара скользнула к рукояти меча, и на долю секунды оба замерли.

Затем Гаспар выхватил меч, и в тот же миг Селина, прянув вперед, полоснула пылающим ножом по его предплечью. И, припав к шее белой кобылицы, рывком послала ее вбок. Меч Гаспара был длиннее ножа, что давало великому герцогу безусловное преимущество, но если ей удалось достаточно болезненно ранить его правую руку…

И тут вдалеке снова залаяли гончие. Гаспар мимолетно оглянулся на лай, вздохнул и на миг опустил голову в коротком поклоне.

– Запомни, кузина, – проговорил он. – Всего, что бы ни произошло, ты могла бы легко избежать с помощью брачного обета.

Он убрал меч в ножны.

Селина знала, что может прямо сейчас поднять тревогу. Одни сторонники Гаспара были ему безусловно преданы, но другие ужаснулись бы тому, что он угрожал мечом императрице. Как только прибудет ее охрана, кузена закуют в кандалы.

Но если так поступить, еще до захода солнца в Орлее вспыхнет война.

Гаспар надел маску и, по-прежнему прижимая к груди обожженную руку, покинул прогалину.

Покачав головой, Селина убрала на место нож.

– Выбыл из игры, – пробормотала она. – Мы должны отыскать сэра Мишеля.

Бриала тайно покинула дворец, оставив свою маску и тонкий меховой плащ в одном из тайников, которые использовала именно для подобных целей. И, превратившись в самого заурядного эльфа, став незаметной среди десятков других эльфов, которые служили у торговцев и караванщиков рыночного квартала, принялась искать следы сэра Мишеля.

Самыми известными шпионами в Орлее были барды. Они славились умением выведывать что угодно, плести интриги и лицедействовать так искусно, что использовали аристократов в своих целях. Несмотря на это – а порой именно поэтому, – к участию бардов в Игре знать относилась благосклонно. Благородные дамы и господа полагали себя достаточно хитроумными, чтобы состязаться на равных с виртуозами лжи, а заодно и научиться в этом состязании чему-то новому.

И хотя барды обыгрывали аристократов, за ними следили. Они были знамениты. Они были легендой.

Зато Бриала была здесь, на рынке, всего лишь еще одним эльфом, а эльфы были везде.

От мальчишки-эльфа, разгружавшего специи, она узнала, что в этом году в Шюрно ожидается плохой урожай. Старая эльфийка, которая стирала промокшую во время дождя ткань, сообщила, что в крепости Адамант, по мнению торговцев Вал Фермина, творится что-то странное. Затем Бриала одарила улыбкой и парой добрых слов кучера-человека – и тот обмолвился, что нынче утром граф Шантраль ездил с визитом в поместье великого герцога Гаспара.

Она бродила по рынку, всматривалась и вслушивалась, ожидая намека, который укажет ей верное направление.

Ребенком Бриала, укладывая волосы десятилетней Селины, безмолвно прислушивалась к застольной беседе между родителями Селины и их гостями – вдовой маркизой Мантильон и герцогом Проспером, который приходился кузеном матери Селины. Речь шла об охоте и о том, как с началом сезона проявят в ней себя те или иные аристократы. Герцог Проспер заявил, что Фердинанду и его дочери вряд ли удастся что-либо добыть, поскольку Мегрен, брат Фердинанда, испортил фамильный лук. Бриале это заявление показалось тогда глупым и бессмысленным.

Затем Проспер прибавил, что леди Селине представится случай испытать себя в охоте на золотого льва. И уж это впрямь прозвучало странно, поскольку Селина только начала по совету леди Мантильон брать уроки стрельбы из лука – дабы выправить осанку. И хотя Бриала никогда не видела львов, она была уверена, что поединок с ними смертельно опасен.

Тем не менее после этих слов Селина беззвучно ахнула, а ее родители и леди Мантильон разом посмотрели на девочку. Бриала поспешно, как учил ее отец, отвела глаза, чтобы не столкнуться взглядом с благородными господами, – и увидела герб семьи Вальмон, золотого льва на пурпурном поле. Тут-то она поняла, что люди говорили вовсе не об охоте.

Бриала помнила, как ее мать повздорила с другой служанкой, тоже эльфийкой. Случилось это еще до того, как Бриала стала прислуживать Селине, и та служанка заявила, что при Селине, дескать, будет ее дочь, а Бриала отправится работать на кухню. Однако на следующее утро эта женщина бесследно исчезла, и все только и говорили, что о том, как ее застигли за кражей из кошелька принца Рейно.

Мать Бриалы при этом помалкивала, но с глазу на глаз велела дочери быть крайне осторожной, слушаться Селину во всем и стать ее подругой.

И только слушая, как аристократы толкуют об охоте за троном Орлея, Бриала поняла, как много сделала для нее мать.

– Тупая остроухая шлюха!

Отвлекшись от воспоминаний, Бриала смотрела, как некая швея кроет последними словами провинившуюся служанку – эльфийку, совсем еще девочку. Та уставилась в землю, сгорая от стыда, люди в толпе ухмылялись, а эльфы старательно делали вид, что смотрят совсем в другую сторону.

Бриала утешила себя, отметив, что среди рыночных торговцев были и один-два эльфа. Хотя и все еще нечасто, но эльфы-торговцы с редкими товарами допускались на рынки, предназначенные для знати, и Селина в последний свой визит объявила угрозы в их адрес неуместными и неугодными. Сородичи Бриалы медленно, но верно укрепляли свои позиции.

Именно Селина научила Бриалу наблюдать, поскольку девушка, в особенности эльфийка, не могла уподобляться мужчинам. Мужчину, который действует быстро и напористо, превозносили за прямоту и смелость; женщину, поступившую так же, сочли бы глупой или безрассудной. Бриала, будучи эльфийкой и вдобавок простолюдинкой, не смогла бы даже защитить себя от оскорбления, словесного или физического, – по крайней мере, когда не носила маску слуги дома Вальмон. Сила ее была в невидимости, в том, что аристократы, которым она прислуживала, говорили на своем секретном, полном иносказаний и недомолвок языке, даже не подозревая, что Бриала понимает их разговоры и каждое слово передает Селине. Наблюдая за тем, как семья Селины ведет Игру, Бриала научилась в совершенстве использовать лучшее оружие женщины – зрение и слух.

Именно Бриала утешала Селину, когда умерла ее мать – от несчастного случая на охоте, говорили аристократы, но к тому времени Бриала уже знала, что означает в их устах «охота», и герцог Проспер открыто рыдал, обещая Селине и ее отцу любую поддержку, какую он мог оказать. Именно Бриала, прокравшись в темноте под окно курительной комнаты, подслушивала для Селины разговор в ночь перед тем, как герцог Проспер и принц Рейно, отец Селины, отправились с визитом к графу Бастьену де Гислен, человеку, чья дочь подстроила тот самый «несчастный случай на охоте».

Именно Бриала заметила крохотную ранку на руке принца Рейно, когда он вернулся после того визита – визита, во время которого «несчастный случай на охоте» приключился уже с дочерью графа Бастьена. Ранку, которая неотвратимо чернела и воспалялась, и в конце концов отняла жизнь отца Селины. И хотя все слуги шептались об отравлении, официальная история гласила, что принц Рейно скончался от болезни.

И именно Бриала помогала Селине – шестнадцатилетней, словно окаменевшей после смерти обоих родителей, – когда герцога Проспера отозвал сам император Флориан.

Бриала одевала Селину для балов, выспрашивая слуг, какие наряды будут у других дам, всеми силами отвоевывая для Селины любое, даже самое крохотное преимущество. Бриала подавала напитки и закуски, когда Селина принимала у себя сына графини Жанвир, а затем и сына самой леди Мантильон. С помощью жестов, перенятых у орлесианских бардов, она незаметными подсказками помогала Селине очаровать молодых людей и заручиться их поддержкой в борьбе за трон величайшей империи мира. Бриала заметила, что, когда Селина отвернулась, на лице сына Жанвир промелькнули едва уловимые признаки скуки, и ненавязчивым жестом подсказала Селине говорить смелей и громче, дабы привлечь внимание юноши. Бриала увидела, как сын леди Мантильон все время поглядывает на меч принца Рейно, висевший на стене, и одним взглядом убедила Селину заговорить о военной истории и тем самым завоевать сердце юного лорда Мантильона.

Именно Бриалу Селина в неистовом восторге заключила в объятия, получив приглашение от леди Мантильон – впервые с тех пор, как скончались ее родители.

Сладость былой победы лишь усугубила горький привкус нынешнего разочарования. Целый час Бриала провела на рынке, но так и не обнаружила никаких следов сэра Мишеля. Где бы он сейчас ни был, отправился он туда не как защитник императрицы.

Где бы он сейчас ни был, ему грозит опасность. Мишель всегда отличался преданностью, и представить, что он мог вот так, без единого слова, бросить Селину, было невозможно. Бриала не нашла в его жизнеописании никаких сомнительных пятен, ничего, чем враги Селины могли воспользоваться, чтобы переманить Мишеля на свою сторону. Все его родные давным-давно умерли, да и происходил он из младшей ветви дома Шевин. Если уж на то пошло, нынешний глава дома Этьен Шевин был одним из ближайших союзников Селины.

Нет, здесь дело совсем в другом, и Мишель либо угодил в беду, либо, будучи мелкой сошкой, уже расстался с жизнью. Когда ставки в Игре высоки, всякий, кто приближен к знат-

ным игрокам, но не в состоянии сам защитить себя, подвергается смертельной опасности. Бриала хорошо выучила этот урок.

– …Тише, Бриа! – почти неслышно прошептала Селина по ту сторону занавеси. – Я слышу твое дыхание, а тебе сейчас нельзя издавать никаких звуков. Это вопрос жизни и смерти.

Бриала отдернула красную бархатную занавесь. Руки ее дрожали.

На роскошном неварранском ковре, застилавшем пол библиотеки, расползлась уродливая красная лужа. Ближний край ее почти достигал занавеси.

И по ту сторону ее лежали родители Бриалы.

Селина ступила вперед, заслонив собой эту картину. Руки ее легли на плечи Бриалы. Теплые.

– Наемные убийцы. Они прикончили всех слуг и вот-вот могут вернуться.

– Но почему? – Бриала попыталась выглянуть из-за плеча Селины, но та передвинулась, вновь заслонив от нее библиотеку. – Зачем они так поступили? Ты встречалась с леди Мантильон. Мы думали, что она поможет тебе!

– Так же было с отцом и мамой. – Глаза Селины наполнились слезами. Она вытерла глаза, и на пальце ее блеснуло кольцо. – Леди Мантильон согласилась поддержать меня, но… Думаю, император Флориан этого не одобряет. Убийцы, наверное, искали меня.

– Но они знали, что тебя сегодня не будет! – Мысли ворочались тяжело, как камни. – Я спряталась и услышала их разговор. Они говорили, что надо спешить. Что ты скоро вернешься. Если это было им известно, значит… – Бриала запиналась, путаясь в словах. – Ты встречалась с леди Мантильон тайно. Никто не знал, куда ты отправляешься, кроме самой леди Мантильон. – Бриала прямо взглянула в глаза Селине. – Это она послала убийц.

– Бриа…

В библиотеке царила невыносимая духота, воздух был пропитан запахом меди.

– Гаспар понятия не имеет, что ты все еще в Игре. Он считает, что трон у него в руках. Сейчас ему незачем посылать к тебе убийц. И даже если бы послал, убийцы знали бы, что ты встречаешься с леди Мантильон, но не могли знать, когда ты вернешься домой. Если только не она сама отправила их сюда. Чтобы… чтобы сохранить вашу встречу в тайне.

По лицу Селины катились слезы.

– Если это и впрямь она… О Создатель, Бриа, мне так жаль! Я и представить не могла, что… Тебе нужно уйти. – Она вновь вытерла глаза и в смятении повертела блестевшее на пальце кольцо. – Если они найдут тебя, то убьют. Поторопись.

– Куда? – Бриала в страхе отступила назад.

И поскользнулась на струйке крови, которая доползла до нее. Чтобы не упасть, Бриала вцепилась в занавесь.

– Госпожа, я всю жизнь прожила здесь. Куда мне идти?

– К долийцам.

В голосе Селины прозвучали твердые повелительные нотки. Та часть сознания Бриалы, что еще в состоянии была мыслить здраво, отметила, что этот тон Селина явно переняла у своей матери.

– У тебя блестящий ум, и ты знаешь двор Орлея лучше, чем кто бы то ни было из ныне живущих эльфов. Глупцами будут они, если не примут тебя и не… используют твои знания.

– Ты хочешь, чтобы я попыталась отыскать долийцев? Но, госпожа, я не могу даже…

– Можешь. И сделаешь это. Ради меня, Бриа. Ты будешь жить ради меня, ясно?

С этими словами Селина резко подалась к ней. Бриала невольно вздрогнула, и тогда Селина впилась жадным поцелуем в ее губы.

На миг весь прочий мир перестал существовать. Осталось лишь жаркое тепло Селины, запах грима на ее лице, вкус ее губ.

Селина притянула Бриалу еще ближе, крепко обвила ее руками… и резко оттолкнула.

– Возьми мой плащ и старую маску, которую я носила прошлой осенью. Плащ скроет твои уши, и ты сможешь нанять экипаж. Держись так, как держалась бы я, и езжай как можно дальше. Потом… – Селина повозилась с волосами и яростно выдернула что-то из прически. – Потом продай вот это и оплати проезд до Долов.

И она сунула в руку Бриалы драгоценную заколку, подаренную леди Мантильон, с такой силой, что порезала ей ладонь…

День уже клонился к вечеру, когда осведомитель Бриалы появился в харчевне, где она его дожидалась. Они встречались каждый месяц и, как правило, просто обменивались сведениями, но сегодня, после безуспешных поисков сэра Мишеля, Бриала готова была молить об услуге.

Лицо вошедшего скрывал капюшон, движения были плавными и собранными, точно у крадущегося по лесу охотника. Он молча прошел туда, где сидела Бриала, ступая легко и бесшумно, не обращая ни малейшего внимания на любопытные взгляды посетителей харчевни.

Он уселся за стол Бриалы. В мягком предвечернем свете Бриала лишь смутно различала татуировки, которыми было покрыто его лицо. У долийцев эти узоры назывались «валласлин» – «письмо на крови».

– Фелассан, – с облегчением проговорила она.

– Анет ара, да'лен, – отозвался он на безупречном эльфийском и широко улыбнулся. – Что, во имя милостивой Силейз, с тобой стряслось?

Бриала и Фелассан вышли из харчевни. Оба молчали. Она давно уже научилась доверять этому молчанию. Эта безмятежность и это терпение были частью натуры долийцев, живущих за пределами мира шемленов, как они называли людей. Или, по крайней мере, так утверждал Фелассан.

В плаще и маске Селины, с деньгами, вырученными за продажу заколки, Бриала добралась до самого Халамширала. С давних времен этот город был пристанищем эльфов, а Долы, простиравшиеся вокруг города, в незапамятные времена дали название долийцам.

Если бы не Фелассан, Бриала пала бы жертвой разбойников, которые застигли ее одну на проезжем тракте. Все они до единого погибли от руки эльфа. Впервые в жизни Бриала стала свидетельницей того, как ее сородич поднял руку на людей.

В тот миг она увидела мир, где не нужно было ходить, опустив голову или притворно улыбаться, когда возчик лапает тебя, проходящую мимо. Она увидела жизнь, в которой не нужно было напоминать себе, что «кролик» все же лучше, чем «остроухая». Мир, где аристократы не подсылали наемных убийц к ее родителям.

А потом, за ужином, состоящим из оленины и ржаного хлеба, Фелассан выслушал историю Бриалы и сказал: если она хочет, чтобы мир стал таким, она должна вернуться к Селине.

Тогда Бриала так и не добралась до лагеря долийцев.

Фелассан остановился в парке, который был разбит посреди торгового квартала. Не удостоив взглядом скамейку, он прошел по траве и прислонился к дереву.

– Не настоящий лес, – заметил он, – но все же лучше, чем сидеть в той убогой конуре. Как ты выдерживаешь целые дни в четырех стенах?

– Привыкла. Послушай, по траве нельзя ходить. – Бриала обеспокоенно огляделась. – Если кто-нибудь тебя увидит…

– Какой позор! – Фелассан ухмыльнулся, и татуировки на его лице собрались, изогнувшись, вокруг лиловых глаз. – Как идет игра между твоей императрицей и ее… кузеном? Братом?

– Кузеном. Вернее, он близкий родственник, но…

– Мелочи, да'лен, – отмахнулся Фелассан. – Ты же знаешь, как я отношусь к мелочам.

– Знаю. – Бриала сделала глубокий вдох.

Манерами Фелассан больше напоминал придворного щеголя, нежели адепта древних знаний, которого она ожидала встретить когда-то… но за эти годы он вложил в ее обучение ничуть не меньше, чем Селина.

– Я убедила императрицу поддержать эльфийских торговцев, а она убедила университет начать принимать эльфов на учебу. Однако Селина также пытается заставить Церковь вмешаться в распрю между магами и храмовниками, и это делает ее уязвимой.

– Крайне глупо с ее стороны, – заметил Фелассан, ковыряя кору дерева. – С какой стати ей делиться властью со священнослужителями? Даже шемлен должен понимать, что так делать не следует.

– Она надеется уладить все без лишнего шума, силами самой Церкви, – пояснила Бриала. – И храмовники, и Круг магов подчиняются также и Церкви.

– И это тоже крайне глупо.

Фелассан отодрал кусочек коры и сунул его в рот.

– Что ты делаешь?

– Долийцам известны многие лекарственные средства, давно позабытые людьми, – жуя, пояснил Фелассан. – Жевание коры некоторых деревьев облегчает головную боль… Правда, не этой, – добавил он, помолчав. – Увы, это самая заурядная кора.

Бриала лишь покачала головой. Когда Фелассан впадал в такое настроение, спорить с ним было бесполезно.

– И как бы ты разрешил спор между магами и храмовниками?

– Дождался бы, пока им надоест убивать друг друга.

Фелассан извлек изо рта жеваный лоскут коры, сощурился и прилепил его на прежнее место.

– Не слишком ли долго придется ждать, почтенный учитель?

– Рано или поздно это произойдет, да'лен. – Фелассан открыл глаза. – На языке нашего народа мое имя означает «медленная стрела». Происходит оно от легенды, в которой одна деревня попросила Фен'Харела убить огромного зверя. Фен'Харел пришел к зверю на рассвете, увидел его силу и понял, что, если ввяжется в бой, зверь убьет его. А потому Фен'Харел пустил стрелу в небо. Жители деревни спросили Фен'Харела, как же он спасет их, и он ответил: «Разве я говорил, что спасу вас?» Затем он ушел. Ночью зверь явился в деревню и растерзал воинов, женщин и старейшин. Затем он приступил к детям, и, когда разинул свою громадную пасть, стрела, пущенная Фен'Харелом в небо, вонзилась прямо в глотку зверя и сразила его. Дети оплакивали родителей и старейшин деревни, но все же принесли Фен'Харелу благодарственную жертву, ибо он сделал то, о чем просили жители деревни. Он убил зверя хитростью и медленной стрелой, которую зверь даже не успел увидеть.

Бриала надолго задумалась над услышанным. Учитель не одобрил бы слишком поспешных выводов.

– Фен'Харел обманщик. Он никогда не принимает до конца ничью сторону.

– Да, – сказал Фелассан, – если верить старинным преданиям, Фен'Харел был тот еще хитроумный ублюдок.

– А ты, стало быть, и есть медленная стрела?

– Надеюсь, что так. – Эльф улыбнулся и пожал плечами. – Быть может, твоя императрица не в силах остановить эту войну. Быть может, маги и храмовники уничтожат друг друга, и, когда разразится эта глупая и неизбежная война, шемлены ослабеют настолько, что эльфы сумеют вернуть себе Долы. Когда-нибудь мы узнаем это наверняка. Сегодня ты помогаешь эльфам, живущим под властью этой империи. И пускай этого будет достаточно.

– Я беспокоюсь о защитнике Селины. – Бриала поднялась на ноги. – Он исчез, и я не могу отыскать его.

Она огляделась по сторонам и, понизив голос, добавила:

– Можешь мне помочь?

– Что ж, у меня в запасе есть пара фокусов. – Фелассан рассмеялся. – Ты прихватила с собой какую-нибудь его вещицу? То, что он носил или держал в руках?

Улыбаясь, Бриала протянула ему длинное желтое перо.

Глава 4

Мишель очнулся от жгучей боли. Пытаясь сдержать слезы, закашлялся, попробовал сесть – и охнул, когда голову словно расколола изнутри слепящая вспышка.

Тогда он закрыл глаза и сосредоточился на дыхании. Это был один из первых уроков, которые преподали ему шевалье. Чтобы совладать с внешним миром, нужно вначале овладеть собой. Мишель чувствовал, как легкие наполняются воздухом, как сердце гонит кровь в мышцы, которые хоть и ныли, но были все так же готовы подчиняться его приказам.

Руки и ноги Мишеля были связаны. Связаны веревкой, а не закованы в цепи. Царапина на боку – Мишель даже мысленно не желал называть такой пустяк раной – болезненно саднила, но была настолько неглубокой, что причиняла лишь мелкое неудобство. Он принялся разминать мышцы, дабы восстановить кровообращение в руках и ногах, а заодно проверить, насколько крепко он связан. Еще два глубоких вдоха и выдоха – и легкие полностью очистились от удушающей дряни, которую бросила ему в лицо бард Гаспара.

Окончательно придя в себя, Мишель снова открыл глаза.

Он находился, судя по всему, на складе и был привязан к столбу, который со всех сторон окружали ящики, образуя скрытый от посторонних глаз закуток. В пятнах света, который проникал в этот закуток через тесные, забранные решетками оконца, парили бесчисленные пылинки. Пол здесь был земляной, и от ящиков ощутимо несло гнилыми фруктами и залежалым холстом. Дробный стук колес и невнятные окрики, доносившиеся снаружи, говорили о том, что Мишель по-прежнему в Вал Руайо. Вот только в торговом квартале никто не довел бы склад до такого жалкого состояния.

Стало быть, он в трущобах.

Женщина-бард забрала его меч и кинжалы, а также содрала с него куртку, оставив Мишеля в одной нижней рубашке с окровавленной прорехой вдоль ребер. Припрятанного оружия у него не имелось: шевалье готовят воинов, а не наемных убийц.

Услыхав шаги, Мишель выпрямился. Кодекс шевалье, вопреки тому, как изображали рыцарей в глупых селянских пьесках, допускал использование внезапности и засад. Если бы раньше он сумел освободиться, то сейчас притворился бы спящим, а затем атаковал без малейших угрызений совести. Однако же этого не случилось, и Мишель не желал показывать врагу свою слабость.

В закуток, огороженный ящиками, протиснулась Мельсендре.

– Уже очнулся? – Она опустилась на одно колено, держась на безопасном расстоянии, чтобы пленник не мог ударить ее ногами. – Впечатляюще. Мои люди, что были в таверне, до сих пор без сознания – те, конечно, которые остались в живых.

– Что тебе нужно?

Горло Мишеля до сих пор саднило от предательской пыли, но он сумел произнести эти слова недрогнувшим голосом.

– Быть может, я просто хочу узнать тебя поближе. – Мельсендре сладко улыбнулась и отбросила за плечо темные кудри. – На балу у Селины нас так и не успели представить по всей форме, да и сегодня, в таверне, ты был слишком занят.

Она поднялась на ноги, оперлась изящной рукой о ящик, затем отдернула руку и тщательно отряхнула пальцы.

– Прошу прощения, что принимаю тебя в таком убогом месте. Мы в эльфийском квартале, недалеко от большого дерева на рыночной площади. Ты, даже и без маски, чересчур известная личность, чтобы оставаться там, где тебя могли бы узнать. – Она глянула на Мишеля сверху вниз и, усмехнувшись, добавила: – Впрочем, на самом деле о тебе известно не все, верно?

– Что тебе нужно? – повторил Мишель.

– Неужели тебе, истинному шевалье, неведома простая учтивость? – Мельсендре вздохнула. – С другой стороны, вряд ли в семье, из которой ты родом, обучали хорошим манерам.

Мишель промолчал, и женщина-бард снова улыбнулась:

– Ты знал, что граф Бревин де Шалон, твой покровитель, завещал свою библиотеку Орлейскому университету?

– Граф Бревин был подлинным ученым, – ответил Мишель.

Женщина заулыбалась шире, явно довольная тем, что он не отказывается поддержать разговор.

– Да, верно. Беда только, что слуги бывают порой небрежны с книгами. Так легко сунуть список денежных выплат в ученый труд о кунари или о лечебных свойствах измельченного драконьего рога. – Мельсендре кокетливо приложила палец к щеке и изобразила задумчивость. – Граф изрядно потратился на твое обучение, сэр Мишель.

– Мои родные умерли, когда я был еще ребенком, – все так же ровно ответил Мишель, – и граф Бревин дал мне приют. Также он уплатил за меня вступительный взнос в Академию шевалье.

Мельсендре покачала головой.

– В Монфоре, – сказала она, – есть один человек, которого прозвали магом крови.

Во взгляде Мишеля отразилось непонимание, и женщина, увидев это, глубокомысленно склонила голову к плечу:

– Стало быть, тебе ничего не рассказали. Твой покровитель заплатил этому человеку кругленькую сумму – исключительно ради твоего блага.

Мишель заскрежетал зубами:

– Магу крови? Ты лжешь, бард! Граф Бревин был хорошим человеком.

Настолько хорошим, что, увидев в переулке мальчика десяти лет, отбивавшегося от трех парней постарше, приказал кучеру остановиться и вмешаться в драку. Настолько хорошим, что взял этого мальчика к себе и предложил ему горячую пищу, а также шанс, как выразился сам старый аристократ, найти данной Создателем силе лучшее применение, нежели драка за объедки.

– Он нипочем не стал бы якшаться с магом крови.

– Ах, да ведь это всего лишь прозвище! – пояснила Мельсендре, снова одарив его кокетливой улыбкой. – Видишь ли, этот маг крови на самом деле писарь и великий знаток геральдики, а также юридических документов. Свое прозвище он получил за удивительный дар создавать благородную кровь из ничего.

Мишель прожил у графа Бревина уже три года, когда однажды ночью старый лорд тайно пришел в его спальню и, разбудив, показал бумагу, которая изменила все. Бревин сказал, что умение Мишеля обращаться с клинком будет потрачено без толку на должности простого стражника или наемника. Сказал, что у Мишеля редкий талант, а таланты надлежит поощрять и взращивать во благо империи. И наконец добавил, что если Академия шевалье принимает на обучение только отпрысков знати, так ведь некоторые знатные особы давно уже почили и не нуждаются больше в своих именах, а их души уж точно почтут за честь одолжить свой титул ради такого благого дела…

Лицо Мельсендре, не сводившей глаз с Мишеля, сделалось почти печальным. И он вдруг осознал, что молчанием отчасти выдал себя.

– Граф занес эту сделку в список денежных выплат, – надо сказать, он и впрямь заплатил немало. Должно быть, он чрезвычайно верил в тебя. – Женщина вздохнула. – И он был прав. Ты стал защитником Селины.

– Да. Я – защитник императрицы, а ты служишь Гаспару. Так почему же я до сих пор жив?

– Потому что мертвым ты превратился бы в жертву злодейского предательства, совершенного великим герцогом, – пояснила Мельсендре, вновь опускаясь на колено неподалеку от него. – Зато живым, да еще разоблаченным в подделке знатного происхождения, ты покрыл бы ужасным позором свою императрицу. Вообрази только: суд, публичная казнь, скандал… скандал, Мишель! Вот почему ты пока еще жив.

Удивительно, но женщина-бард, казалось, не очень-то рада своей победе. Напротив – улыбка ее поблекла, и, даже улыбаясь, она старалась не смотреть в глаза Мишелю.

– Я скорее умру, – сказал Мишель.

– Знаю, – кивнула Мельсендре и медленно вздохнула. – И это в любом случае будет большая потеря. Мне довелось повидать немало турниров, и я могу с уверенностью сказать, что ты прирожденный мечник. Аристократ ты или нет – какая разница? – Она с горечью покачала головой. – Я веду Игру лучше большинства придворных, а ведь я родилась от внебрачной дочери доярки и приехавшего на побывку солдата. Все это ложь, и лгут нам затем, чтобы мы знали свое место.

– Возможно. – Мишель с деланым равнодушием пожал плечами. – И тем не менее мы добились своего.

Мельсендре снова одарила его грустной улыбкой:

– По крайней мере, ты служишь хозяйке, которой небезразлична участь простолюдинов. Что правда, то правда. Говорят, она принудила университет принять на учебу не то что простолюдина, но и эльфа… Ах вот оно что!

Вся грусть Мельсендре вмиг испарилась бесследно, и на лице ее вновь заиграла улыбочка сытой кошки. Мишель проклял себя за то, что вздумал завести разговор с орлесианским бардом и надеяться, что сможет сыграть на ее сочувствии. Леденящая волна удушливого страха накрыла его с головой, но он сумел сохранить на лице бесстрастное выражение.

– Что именно? – ровно осведомился он.

– Я уже говорила, что выросла на сельском хуторе. – Мельсендре с непринужденной фамильярностью придвинулась уже совсем близко к Мишелю. – Тоска там была смертная, оттого я и сбежала при первом случае. Нашла себе новую жизнь и новое имя. Уж ты-то меня понимаешь. – Она игриво ткнула его локтем в бок. – И все-таки кое-что из той прошлой, сельской жизни я помню до сих пор. Если случить белую корову с черным быком, телята родятся с черными и белыми пятнами. Если серую кобылу покроет черный жеребец, жеребенок у нее будет серый… однако со временем может произвести на свет черного отпрыска. Как будто в крови у него остается толика черного цвета. Так бывает у коров, лошадей… да, в общем-то, у всех.

Она знает…

– Но, – продолжала Мельсендре все тем же светским тоном, словно обсуждала погоду, – если человек сойдется с эльфом, их потомок будет только человеком. Ни острых ушей, ни больших красивых глаз – самый обыкновенный человек. Отличить его от других людей невозможно. – Она искоса глянула на Мишеля и добавила: – Если только он сам себя не выдаст.

Мишель судорожно сглотнул.

– Гаспар хотел убрать тебя со сцены, а потому приказал раскопать все, что можно будет использовать против тебя. Но при этом велел не убивать тебя, если только не возникнет крайняя необходимость. Такой благородный. – Мельсендре ухмыльнулась. – Он был бы вне себя от восторга, узнав, что ты простолюдин с фальшивым титулом. Представляешь, что станет с придворными лизоблюдами Селины, когда я расскажу ему, что ты еще и сын остроухой шлюхи?

Она произнесла эти слова жеманно, с загадочной пикантной улыбочкой. Довольная собой, она явно позволяла Мишелю молить о милосердии либо же предложить ей сделку получше. Или же вновь играла с ним, стремясь выудить больше подробностей, как то в обычае у хорошо обученных шпионов и интриганов.

Сэр Мишель со всей силы ударил Мельсендре лбом в лицо. Когда женщина-бард завалилась набок, он перекатился на спину и, рывком подав связанные руки вниз, протащил их под согнутыми ногами. Вскинув руки над головой Мельсендре, он захлестнул веревкой ее шею и затянул петлю. Крик боли, вырвавшийся у нее, превратился в невнятное клокотание.

– Я сэр Мишель де Шевин! – процедил он, сильнее натягивая петлю.

Из последних сил Мельсендре выдернула из ножен на бедре кинжал. Но не успела она пустить оружие в ход, как Мишель дернул руки вверх, а затем резко обрушил вниз, ударив Мельсендре головой о земляной пол. Женщина обмякла, и он повторил удар, снова и снова.

– Я сэр Мишель де Шевин!

Он выдернул кинжал из ее ослабевшей руки и стремительно рассек свои путы. Миг спустя он, освободившись, уже стоял над Мельсендре.

Женщина-бард еще дышала.

– Я сэр Мишель де Шевин, – повторил он и, опустившись на колено рядом с Мельсендре, одним точным ударом кинжала прервал ее жизнь.

Когда он выпрямился, на склад уже явились люди Гаспара.

Бриала выросла, веруя в Создателя и живя согласно Песни Света. Бóльшая часть этой веры была безвозвратно утеряна, когда кровь ее родителей пролилась на пол библиотеки, и хотя Фелассан неохотно рассказывал Бриале об эльфийских богах, она втайне стала почитать Андруил, богиню охоты.

И хотя она полагала, что давным-давно избавилась от оков мышления, навязанных Церковью, до сих пор ей становилось не по себе, когда Фелассан творил магию.

Сейчас наставник Бриалы поднес ко лбу принесенное ею перо, закрыл глаза и провел над ним ладонью. На миг перо засверкало, словно предвечернее солнце ярче высветило его, и Фелассан кивнул.

– Пойдем, – бросил он и, не говоря более ни слова, первым тронулся с места.

– На что это похоже? – спросила Бриала, шагая рядом с ним.

Они направлялись к трущобам – не самое подходящее место для защитника Селины. Бриала приветственно кивнула эльфу-торговцу, которому помогла в прошлом году, и удостоилась робкой, едва заметной улыбки.

Фелассан, казалось, не на шутку задумался над этим вопросом. Наконец он искоса глянул на Бриалу и сказал:

– На зуд.

– На зуд?! – взвилась Бриала. – Не очень-то вразумительный ответ!

– Попробуй задавать вразумительные вопросы, да'лен, – ухмыльнулся Фелассан. – Просить мага описать, на что похожа магия, – все равно что просить тебя описать слепому гному, на что похож закат.

Если бы его капюшон сейчас соскользнул на плечи, обнажив покрытое татуировками лицо, всякий эльф на рыночной площади либо повалился бы ему в ноги, либо бросился бы с ножами на это существо из древних преданий. И притом Фелассан преспокойно расхаживал босиком, а одежда его скорее подошла бы лесному дикарю, нежели ожившей легенде. Он вечно отпускал плоские шутки, и во всем мире людей не было ничего такого, что он согласился бы принимать всерьез. Не потому ли, думала Бриала, он живет так, словно мир не оказывает на него ни малейшего воздействия?

– Как поживают долийцы? – вслух спросила она. – Ты ничего не рассказывал о своих сородичах.

Лицо Фелассана, укрытое в тени капюшона, озарилось воодушевлением.

– У них родился новый, потрясающий замысел! Все закончится тем, что шемлены сами перебьют друг друга, а Долы достанутся эльфам.

– А с чего же все начнется? – Бриала выразительно вскинула бровь.

– Долийцы будут разъезжать повсюду в фургонах, запряженных оленями. Середину они еще не придумали.

– Какое счастье, что у них есть ты, – заметила Бриала.

– Бриала, – Фелассан хихикнул и покачал головой, – ты живешь среди дураков, то тут, то там, словом или жестом подчиняя их своей воле. Тебя это не утомляет?

Она начала было говорить, но осеклась, наткнувшись на взгляд Фелассана – напряженный, почти что гневный. Глаза эльфа мерцали в тени капюшона.

Бриала подумала о кастелянше и капитане дворцовой стражи. Обо всех.

Она подумала о владелице замка, капитане дворцовой стражи. О бесчисленных аристократах, которые не замечали ее или снисходительно называли «кроликом».

И о том, как Селина нежно проводит тонкими пальцами по ее руке.

– Я верю, что делаю нужное и полезное дело, – наконец ответила она.

Фелассан кивнул и отвел взгляд:

– Да, какое-то время это помогает держаться.

Они вошли в трущобы. Теперь эльфов вокруг было гораздо больше, чем людей, и все они поглядывали на Бриалу и Фелассана с настороженной неприязнью. Фелассан в своей немудреной одежке, с капюшоном, прикрывшим лицо, без труда мог бы раствориться в местной толпе. Бриала, в отличие от него, была в чистом, не знавшем заплат наряде и изящных сапожках, при каждом шаге звонко цокавших по мостовой почти не стертыми каблуками. Хоть на ней и не было маски, любой эльф, едва глянув на нее, тотчас понял бы, что она служит знати.

Что она предала свой народ.

Как часто бывало, в ней вспыхнуло жгучее желание объясниться. Сказать им правду – что у них есть союзник в императорском дворце, что эльфов уже принимают на рынках, предназначенных для знати, и в университете, – и тогда, быть может, они бы…

А потом Бриала, как всегда, затаенно вздохнула и продолжала идти, стараясь не обращать внимания на ненавидящие взгляды.

– Трудно впечатлить кого-то уменьшением привычного зла, – заметил Фелассан не оборачиваясь. – Послушай, говоришь ему, ты заметил, что сегодня никто не явился к тебе домой и не избил тебя до смерти за то, что вчера ты недостаточно быстро ему поклонился? Не стоит благодарности!

– Положение улучшается.

– Безусловно. Здесь же я. – Бриала невольно хихикнула, и Фелассан добавил: – И ты делаешь нужное, полезное дело. И в тот день, когда ты признаешь, что они никогда не поймут и не оценят этого или вообще не узнают, сколько ты всего сделала…

– Что? – перебила Бриала. – Мне станет легче?

– Клянусь грудью Митал, нет! – засмеялся Фелассан. – Правду говоря, в тот день твое сердце окончательно иссохнет и зачахнет, так что лучше постарайся оттянуть его, насколько возможно. О, твой защитник не так давно был здесь. Но уже ушел.

Он стоял у таверны – жалкого вида лачуги. Покосившиеся дощатые стены были густо покрыты непристойными рисунками и безграмотными ругательствами.

Бриала кивнула и вошла в таверну. Там не было ни души – кроме одинокого эльфа за стойкой, который свирепо уставился на нее.

– Закрыто! – рявкнул он. – Прибираемся после вчерашней потасовки.

Бриала ответила ему рассеянным кивком и огляделась. Буфетчик стискивал в руке стакан – с такой силой, что костяшки пальцев побелели от напряжения. Ему либо заплатили, либо запугали, чтобы не болтал лишнего. К опилкам, которыми был посыпан пол таверны, примешались темные обломки разбитой мебели, да и сами опилки были по большей части совсем

свежие, не успевшие впитать грязь и пролитое пиво. На столе у стойки виднелось смазанное красное пятно.

– А выглядит так, словно это случилось лишь пару часов назад.

– Нет, вчера ночью! – поспешно возразил эльф.

И, поставив стакан, сунул руку под стойку.

– Приходило ли тебе когда-нибудь в голову, как сильно должны нагреться ногти, чтобы они расплавились прямо на пальцах? – осведомился Фелассан, небрежно прислонившись к стойке и слегка приспустив свой капюшон. – Я вот в последнее время часто об этом думаю.

Буфетчик глянул на татуировки Фелассана и побледнел. И медленно, очень медленно вынул руку из-под стойки.

– Спасибо. – Бриала направилась к испачканному столу.

Ноздри ее уловили едва различимый, но характерный запах – едкий, кисловатый. Ей доводилось пользоваться для своих дел ядами, и она сразу распознала запах глубинного гриба, одного из ингредиентов удушливой пыли.

Бриала глянула на буфетчика, затем на Фелассана:

– Пойдем.

Фелассан кивнул, и они вышли из таверны.

– Ловушка?

– Похоже на то. Напавших было несколько, а потом они применили яд.

– Яды. – Фелассан скорчил гримасу. – Очаровательно.

– Да уж, не столь возвышенно, как расплавлять ногти прямо на пальцах.

– Ай, брось! – отмахнулся Фелассан. – Ноготь просто чернеет и отваливается, а палец обычно распухает и лопается задолго до того.

– Я это запомню, хагрен. Ты чуешь, куда потащили сэра Мишеля?

– Разумеется.

– Отлично. Тогда мне нужно будет сначала кое-куда заглянуть.

И Бриала повела своего наставника лабиринтом узких улочек и проулков, стараясь не замечать взгляды зловещих типов, которые развлекались игрой в кости или бросанием ножа, и надеясь, что уверенная походка убережет ее от неприятностей, по крайней мере при свете дня. Она проскользнула в ветхое каменное строение без единой пометки над дверью. Внутри оно ничем не отличалось от других нищенских хибар, хотя сейчас тут не было ни души.

Бриала нашарила на стене нужный камень, легонько нажала – и ощутила, как беззвучно отошла задвижка. Другой камень в стене, ничем не примечательный для постороннего взгляда, отворился, и за ним обнаружился потайной шкафчик.

Лук, который извлекла из тайника Бриала, был изготовлен из красного кедра – добротная вещь, не привлекающая особого внимания. Кинжалы были из сильверита – более приметное оружие, но только когда его обнажишь. Наконечники стрел в колчане были покрыты ядом корня смерти и запечатаны, чтобы сохранить яд свежим до тех пор, пока ей не понадобится пустить стрелы в ход.

– У тебя есть тайники во всех частях города? – ухмыльнулся Фелассан.

– Ты хорошо меня обучил. – Бриала закрыла шкафчик, восстановила прежний вид тайника и вышла наружу. – Пойдем.

Фелассан шел первым, и вскоре они оказались в одном из самых старых районов Вал Руайо. Здесь, в грязи и тесноте, когда-то начали расселять эльфов, создав подобие ферелденского эльфинажа. На кривых узких улочках никогда не бывало людей, а эльфам, жившим здесь, вряд ли когда-нибудь выпал бы случай увидеть рынок для знати.

Когда они дошли до громадного дерева на рыночной площади, Фелассан остановился. Венадаль был украшен ленточками, и в грязи, окружавшей его, торчали палки, к которым были привязаны клочки яркой ткани – подношения Древу.

– Древо Народа, – проговорила Бриала.

– Твоего народа.

– И твоего тоже, – указала она и добавила, когда Фелассан отвел взгляд: – Хотя ты так не считаешь.

– Это красивое дерево. Вот пускай и остается просто красивым деревом.

Бриала хотела ответить, но тут из-за угла донеслась тяжелая поступь ног, обутых в сапоги, и характерный звон доспехов. Не сговариваясь, оба эльфа отступили в тень и затаились.

Герба на солдатах не было, зато у них были длинные мечи и кольчуги из красной стали.

– Дороговато для простых головорезов, – прошептал Фелассан, когда солдаты гуськом вошли в склад, торчавший на краю площади. – И служат они не твоей императрице.

– Верно. Она бы послала либо своих стражников в полных доспехах, либо наемных убийц в обычной одежде. Это люди Гаспара.

– Что ж, это хорошая новость. – Фелассан кивнул.

– Ты уверен, что не шутишь? – Бриала оглянулась на него.

– Да'лен, – Фелассан выразительно закатил глаза, – разве станут посылать целый отряд, чтобы унести труп?

– Понятно. – Бриала выпрямилась. Простое платье служанки не стесняло движений, однако сражаться в нем она не планировала. – В следующий раз нужно будет оставить в тайниках еще и доспехи.

– Во всех тайниках? А если ты раздобреешь? Каково будет заменить столько брони?

Бриала сделала глубокий вдох:

– Поохотимся?

– Приступим.

Не замедляя шага, Фелассан выудил из складок плаща неприметную палочку. Вдруг она стала расти, извиваясь, как живая, и превратилась в магический посох; вкруг навершия забурлил изумрудный свет. Бок о бок эльфы вбежали в здание склада.

Даже по здешним меркам он был убог. Груды старых ящиков гнили на земляном полу, составленные такими высокими штабелями, что склад превращался в лабиринт – хотя содержимое их давным-давно испортилось и было благополучно предано забвению. Пятна засохшей крови на полу и следы рубки на боках ящиков сказали Бриале, что склад служил местом встреч контрабандистов и могильником убийц; стылый воздух был насквозь пропитан вонью немытых тел и дешевой дури.

Из недр склада донеслись лязг оружия и крики боли. Бриала глянула на лабиринт, образованный штабелями ящиков, и принялась карабкаться вверх по импровизированной стене. Прогнившая древесина крошилась в пальцах, весь штабель опасно шатался под ее весом, но вскоре она забралась достаточно высоко, чтобы разглядеть оттуда все помещение склада.

– Знаю, ты жаждешь вернуться к своим корням, – бросил ей Фелассан, углубляясь в лабиринт, – но только эльфы по деревьям не лазают. Ты опять перепутала нас с белками.

– Осел!

Глянув вниз, Бриала увидела, что сэр Мишель, без доспехов, стоит над телом барда Мельсендре с кинжалом в одной руке и длинным мечом, отобранным у кого-то, – в другой. Один солдат был убит, но сэр Мишель не в состоянии был перекрыть вход в закуток, где его держали, и оказался в окружении. По меньшей мере шесть солдат еще держались на ногах, а Мишель был ранен в бок.

– Налево, потом направо!

Следуя ее указаниям, Фелассан пробирался через лабиринт к сэру Мишелю, а Бриала подняла лук, выбрала жертву, прицелилась, выдохнула и пустила первую стрелу.

Стрелять из лука всегда было приятно. Трудно сказать, был ли то всплеск ярости, неподдельной или надуманной, либо же восторг оттого, что она от природы хороша в том, что кажется сложным даже Селине.

На краткий миг Бриала почти устремилась вслед за стрелой – та без труда прорезала вязкий воздух и легко вошла в горло солдата слева от сэра Мишеля.

Она уже целилась вновь, когда солдат упал замертво и на лице Мишеля отразилось потрясение. Впрочем, как ни удивила его нежданная помощь ниоткуда, он все же оставался лучшим из живущих бойцов-шевалье. Не колеблясь ни секунды, он шагнул на место упавшего солдата, и теперь его спину прикрывал штабель ящиков.

Пока Мишель отражал пару высоких выпадов, Бриала зорко оглядела его противников. Один повернулся, пытаясь высмотреть ее. Бриала спустила тетиву, и стрела, прицельно войдя между сочленений брони, пробила ему легкое.

Оставшиеся солдаты обернулись и наконец увидели ее. Эльфийка одарила ухмылкой самого рослого из них, поднимая лук для нового выстрела. Здоровяк отшатнулся в поисках укрытия, и тогда сэр Мишель нанес ему удар в колено, а потом вонзил кинжал в горло.

– Как, подонки, вы смеете повернуться спиной к орлесианскому шевалье? – взревел он, пинком швырнув убитого на пол. Солдаты невольно попятились. – Деритесь лицом к лицу и умрите с честью, хоть вы этого и не достойны!

– Или вовсе без чести, – сказал Фелассан, появляясь из-за угла.

Он вскинул посох – и к уцелевшим солдатам метнулось, змеясь, щупальце голубого света.

Воздух зашипел, затем треснул морозным взрывом – и солдат мгновенно сковало панцирем сверкающего льда. Один так и застыл с разинутым в крике ртом.

Фелассан указал посохом на стену ящиков, и прогнившую древесину пробил насквозь заряд зеленого огня. Весь огромный штабель содрогнулся, заколыхался – и рухнул всей тяжестью прямо на закованных в лед солдат. Звук был такой, словно изо всей силы ударили молотом по полке, заставленной фарфором.

– Я могла бы их просто перестрелять, – заметила Бриала.

Куски красной промороженной плоти катились и подпрыгивали вокруг внушительной груды обломков.

– Да, возможно, – согласился Фелассан, сноровисто вращая посохом.

Мишель, тяжело дыша, смятенно поднял взгляд на Бриалу:

– Похоже, я у вас обоих в долгу.

– Это можно будет обсудить, когда ты благополучно вернешься во дворец, – сказала Бриала, осторожно спускаясь со штабеля ящиков.

Юбку она уже порвала, но с этим ничего не поделаешь.

– Мисс Бриа? – Узнав ее голос, Мишель ошеломленно моргнул. – Горничная ее величества?

– Что? Да нет же. Это было бы безумием. – Фелассан взмахнул рукой; посох его задрожал и стал уменьшаться, пока не превратился снова в самую обычную палочку.

– Сэр Мишель, – окликнула Бриала, – нам нужно вывести тебя отсюда. Ты можешь идти?

– Конечно.

Мишель повернулся к одному из мертвецов, валявшихся на полу, и выдернул из его глазницы маленький кинжал. Затем он перешел к трупу Мельсендре. Быстро, с явной сноровкой Мишель обшарил карманы женщины-барда и выпрямился:

– Уходим.

Втроем они двинулись к выходу из склада. Фелассан и Мишель – долийский маг и орлесианский шевалье – испытующе разглядывали друг друга. Бриала старательно отводила взгляд.

– Почему тебя схватили? – спросила она, когда все трое вышли на улицу.

Если кто из местных и слышал звуки потасовки, доносившиеся из здания склада, он явно предпочел не поднимать шума. Эльфы, расположившиеся на площади вкруг венадаля, занимались своими торговыми делами и не удостоили Бриалу и ее спутников ни единым взглядом.

– Мельсендре сказала, что Гаспар попросил ее сделать так, чтобы я сегодня не смог сопровождать императрицу, и… – Мишель оглянулся на склад, – к сожалению, она преуспела.

– Как? – Бриала двинулась на Мишеля так решительно, что он невольно отступил на шаг. – Как она заманила тебя сюда?

– Это дело чести…

– Заткнись! – Мишель вздрогнул от неожиданности, и Бриала вперила в него жесткий взгляд. – Тебя одурманили не во дворце, а в таверне. Ты не пренебрег бы своими обязанностями из-за пустяка, так что Мельсендре либо угрожала тебе, либо придумала, чем выманить тебя из дворца. На теле у нее ты ничего не нашел, – стало быть, она ничего у тебя не украла. Поддельная записка от друга? Или родственника? – Мишель дрогнул, хотя сам, наверное, даже не заметил бы, как едва уловимо дернулся уголок его глаза. – Только вряд ли друг защитника императрицы стал бы посещать трущобную таверну… а все твои родственники давно уже умерли.

И опять у него дернулся уголок глаза. Родственники – вот он, ключ к разгадке!

– Не твое это дело, остроухая! – отрезал Мишель, крепко стиснув украденный кинжал, однако не спеша пустить его в ход. – Если бы наша госпожа захотела что-то узнать, она не стала бы посылать с расспросами горничную.

– Разумеется, нет, глупец. Она послала бы свою шпионку. – Бриала оглянулась на Феласcана. – Остроухую.

Фелассан подавил зевок:

– Я обиделся, а ты?

– Нисколько. Видишь ли, он ни разу прежде не называл меня так – ни когда раздавал приказы слугам, ни даже в спешке. – Бриала улыбнулась. – А значит, он что-то скрывает и пытается сбить меня со следа. Что же это, Мишель? Позорное пятно в истории вашего рода? Нет. Срочные новости не увели бы тебя из дворца… А! – Она кивнула, вполне довольная собой, и Мишель, видя ее довольство, побледнел. – Поддельное дворянство, фальшивый титул. Должно быть, граф Бревин разглядел в тебе нечто из ряда вон выходящее.

– И это явно не умение скрывать свои чувства, – заметил Фелассан.

– Привыкнув носить маску, забываешь следить за тем, чтобы лицо тебя не выдало.

– И, полагаю я, шевалье принимают к себе только аристократов? – осведомился Фелассан.

– Ты верно полагаешь. Более того, подделка титула карается смертной казнью. – Бриала мельком глянула на руки Мишеля. – Простолюдин? Нет, дело не только в этом. Слишком уж он выделил голосом «остроухая». Мать-эльфийка?

– Молчи! – едва слышно выдохнул Мишель.

И шевельнул рукой, изготовив кинжал к удару. Бриала распознала это движение, поскольку много лет упражнялась владеть ножами.

– Оставь кинжал в покое, сэр Мишель. Вряд ли тебе удастся прикончить нас обоих при свете дня, да так, чтобы никто этого не заметил, и позволь заверить тебя… – она жестко усмехнулась, – Селина непременно заметит мое исчезновение и будет крайне дотошна, расследуя его.

Мишель опустил кинжал. Рука его дрожала.

– Ты еще хуже, чем тот бард, – пробормотал он.

– Бард, не убей ты ее, обрекла бы тебя на позор и казнь. Ты и вправду думаешь, что я стану помогать воплощению этого замысла? – Бриала ткнула в него пальцем. – Гаспар угрожает нашей императрице. Я не допущу, чтобы в такой нелегкий час она осталась без защитника. Мельсендре успела сообщить Гаспару о твоем прошлом?

– Нет. – Мишель заметно обмяк и покачал головой. – Она хотела, чтобы сперва я подтвердил эти сведения.

– Отлично. Стало быть, после ее смерти нам ничто не грозит. И если Гаспар вновь предпримет нечто подобное – немедля сообщи мне.

Мишель недоверчиво посмотрел на нее, затем перевел взгляд на Фелассана.

– На твоем месте я бы так и сделал, – посоветовал тот. – В одиночку ты не больно-то справился.

– И ты сохранишь все в тайне? – натянуто спросил Мишель. Он был похож на приговоренного к смерти. – Даже от Селины?

– При одном условии. – Бриала подняла палец. – Когда-нибудь я попрошу тебя о чем-то взамен. И ты выполнишь мою просьбу, в чем бы она ни заключалась, если хочешь сохранить свою тайну.

– Одна услуга, – процедил Мишель. – И ты хочешь, чтобы я в это поверил?

– Да, только одна услуга, – бесстрастно ответила Бриала.

Она не могла уподобиться сэру Мишелю и выставить напоказ свои чувства. Тот, кто оказался в отчаянном положении, чья честь и жизнь поставлены под угрозу, прежде всего нуждается в доводах разума.

– Попроси я больше, и ты решил бы, что проще будет меня убить. Я видела Мельсендре там, на складе. Она была мертва еще до прихода солдат.

Лицо Мишеля исказилось, и Бриала понизила голос:

– Даю тебе свое слово – слово остроухой, – что, когда ты выполнишь свою часть сделки, твоя тайна останется тайной навсегда. Она нигде не будет записана, не будет нашептана доверенному лицу. Даже Селине. Одна услуга, быть может, нелегкая, но не более того.

Мишель колебался, и Бриала читала на его лице мысли, одна за другой мелькавшие у него в голове. Прежде всего – оскорбленная гордость, а затем один за другим – вопросы. Может ли он доверять ей? Стоит ли убить ее сейчас и тем обеспечить сохранность своей тайны? Или лучше согласиться сейчас и расправиться с ней позднее?

Наконец губы Мишеля скривила невеселая усмешка.

– Если Гаспар подошлет ко мне другого барда, – проговорил он вслух, – мне может понадобиться твоя помощь. Договорились.

– Прекрасно.

Бриала могла бы сказать, что ей можно доверять и что он не пожалеет о своем решении. Однако Мишель, несмотря на низкое происхождение, слишком долго носил маску аристократа, чтобы сейчас поверить таким словам. Потому она смолчала и обратилась к Фелассану:

– Было бы разумно позаботиться, чтобы на складе не осталось никаких улик.

– Заверяю тебя, да'лен, – кивнул Фелассан, – что не только улик – и самого склада не останется. Было, как всегда, приятно повидаться с тобой.

И он, весело насвистывая, направился назад к складу.

После неловкого молчания Мишель сделал знак Бриале:

– Пойдем?

Когда они покидали эльфийские трущобы, позади них уже занимался пламенем заброшенный склад.

– Ремаш, я буду с тобой откровенен, – сказал великий герцог Гаспар, когда экипаж остановился перед дымившимся пожарищем на месте бывшего склада. – Сегодняшняя охота превратила этот день в сплошное разочарование. Никогда бы не подумал, что отправлюсь в трущобы в надежде исправить положение.

Строение представляло собой груду хлама – как, впрочем, все в эльфийских трущобах. Жирный черный дым был хорошо виден почти во всех частях города, и сейчас, с наступлением

темноты, еще не погасшие угли светились много ярче, нежели дешевые факелы, зажженные вокруг площади.

Гаспар выбрался из экипажа, здоровой рукой оправил камзол и задумчиво прищурился на большое дерево, торчавшее в центре площади.

Вслед за ним вышел Ремаш, герцог Лаидс.

– Великий герцог, – сказал он, – собственно говоря, почему мы здесь?

– Я – потому что на этом складе были защитник Селины, связанный по рукам и ногам, и Мельсендре, которая забросала меня таинственными, но в высшей степени самодовольными записками.

Гаспар хотел было указать на пожарище, но тут же сморщился и поспешил воспользоваться другой рукой – той, что сегодня не пострадала от ожогов.

– Но защитник вернулся во дворец, – продолжал он, – и мне бы хотелось узнать, как это произошло. А ты, – добавил он со смешком, – ты здесь потому, что я вдовец и ты полагаешь, что из твоей дочери выйдет славная императрица.

Ремаш улыбнулся, затем настороженно осмотрел площадь, казавшуюся на первый взгляд совершенно пустой.

– Великий герцог, я знаю, что вы не боитесь испачкать руки, однако не в силах представить вас роющимся на пепелище.

– Нет, это я поручаю другим.

Гаспар свистнул. Из темноты выступили люди в масках и ливреях, какие носила прислуга великого герцога.

– Они без доспехов? – удивился Ремаш, глядя на людей Гаспара, за которыми плелся одинокий эльф в заплатанном и грязном подобии кожаной одежды, какую обычно носили торговцы.

– Упаси Создатель! Доспехи распугали бы бедняжек остроухих, а мне нужно, чтобы сегодня они были разговорчивы.

Когда вся компания, включая эльфа, оказалась в круге света возле экипажа, Гаспар улыбнулся:

– Добрый вечер. Как твое имя, кролик?

– Силиг, милорд, – сообщил эльф, низко кланяясь Гаспару.

– Вот и молодчина. – Гаспар кивком указал на сгоревший склад. – Итак, Силиг, мои люди сказали, что щедро заплатят любому эльфу, который поведает, что же здесь произошло.

– Да, милорд. – Эльф судорожно сглотнул. – Это был мой склад. Я сдавал место в нем торговцам, которым не по карману Рыночный квартал. А потом пришла женщина – человек, певичка – и сказала, что ей нужен мой склад. Сказала, что работает на тебя, и…

– Неверно, – перебил Гаспар, все так же улыбаясь. – Она ничего подобного не говорила.

Эльф побелел как мел:

– Я, наверно, ослышался.

– Ты даже не знаешь, кто я такой.

– Не знаю, милорд. – Силиг снова нервно сглотнул. – В общем, я увидел, как два эльфа, мужчина и женщина, вошли в склад после твоих… после солдат, которые работали на ту певичку. Я слышал шум драки, а потом из склада вышел другой человек, без доспехов, и с ним эти эльфы. Они остановились на площади и завели разговор. Человек сердился на эльфийку. Она что-то сказала, и ему это пришлось не по нраву. Эльф просто смотрел на них, а потом вернулся на склад – и тогда мой склад занялся огнем, весь сразу. – Торговец помотал головой. – У этого эльфа были знаки на лице, как в старинных преданиях о долийцах.

– Долийцах? – со смехом переспросил Гаспар. – Ты же не сочиняешь, а, Силиг?

– Нет, милорд! А та эльфийка… одежда у нее была хорошая, слишком добротная. Она и человек, которого тут держали… они вышли из трущоб, и я последовал за ними. У меня есть пропуск в Рыночный квартал!

Он метнул взгляд на Гаспара, в глазах которого отражался отсвет тлеющих углей, и принялся шарить в карманах. Гаспар жестом велел ему продолжать рассказ.

– Эти двое, – покорно заговорил эльф, – прошли через Рыночный квартал. Эльфийка выбросила лук. Хороший лук, из красного кедра, стоит, наверное, целый золотой или даже больше, а она его выбросила. Потом они двинулись прямиком ко дворцу, и женщина надела маску.

– Эльфийка? – Гаспар запрокинул голову и шумно выдохнул. – Да уж, такое нечасто увидишь. Кролик в маске. Послушай, Силиг. Ты сегодня хорошо потрудился. Я не дам тебе золота, поскольку это было бы все равно что воткнуть тебе нож в спину. Ты знаешь это, и я тоже знаю. Однако вон у тех людей есть немного серебра, и этого будет более чем достаточно, чтобы ты мог построить новый склад.

– Благодарствую, милорд. – Эльф низко поклонился, и люди Гаспара увели его прочь.

– Вы и вправду намерены ему заплатить? – спросил герцог Ремаш, стоявший у экипажа.

– Да. – Гаспар с улыбкой повернулся к своему будущему великому герцогу. – Нож в спину был бы, конечно, надежнее, но ты ведь понимаешь, что на нас сейчас смотрят из темноты десятки больших блестящих глаз. Они видят все – так пусть увидят человека, который помог отстроить склад, сожженный подручными императрицы. Быть может, эти свидетели мне потом еще пригодятся.

Ремаш кивнул, и никаких чувств не отразилось на его лице, укрытом серебряно-золотой маской.

– Вы хотите использовать эльфов?

– Использовать то, что намеревалась поведать мне Мельсендре, теперь уже не удастся. – Гаспар ткнул большим пальцем в сторону тлеющего склада. – Однако долийский маг и эльф-убийца, которые работают на Селину? – пробормотал он, вновь забираясь в экипаж. – Дыхание Создателя, если я не придумаю, как использовать это, значит я не достоин трона.

Глава 5

В трущобах Халамширала молва раздувала пламя мятежа.

Жестокие выходки аристократов были не внове. Всякий эльф в городе знал, что при виде человека следует опустить взгляд. Эльфийки с юных лет узнавали, как опасно путешествовать в одиночку, да и просто выглядеть слишком привлекательно. Торговцы-эльфы быстро постигали науку торговаться со знатными клиентами так, чтобы получить хотя бы часть платы, но не довести дело до того, что их дома предадут огню.

Никому это было не по нраву, но все знали об этом и терпели, принимая подобное положение как часть мироустройства.

Однако стерпеть гибель Лемета было невозможно.

Лемет был добрый малый, твердили Трен, его друг, и другие мастера-ремесленники. Он честно трудился, содержал свой дом в чистоте и даже получал заказы от кучеров знати – благодаря низким расценкам и добродушным, обходительным манерам. Он был спокойного нрава и притом смешлив и довольно часто угощал своих друзей выпивкой. Лемет был не какая-нибудь нищая шваль, твердили ремесленники, но люди лорда Мансерая закололи его, а потом расчленили и развесили куски тела по всему городу, как поступают с наихудшими преступниками. Если такое могли сотворить с хорошим эльфом, никогда не причинявшим хлопот людям, что же тогда могут сотворить с любым другим эльфом?

Лемет погиб, защищая мальца на побегушках, шептались воры. Чем бы он там ни зарабатывал на пропитание, сердцем он был истинный эльф, а шемы, которые прирезали его как собаку, хотели показать всем трущобным эльфам, что они, шемы, хозяева этих улиц. Что ж, пора им узнать, что на местных мостовых всегда сыщется камень, пригодный для доброго броска.

Свой последний вечер Лемет провел в таверне, где говорили о старых временах Джинет и прочие поклонники старины. О чем бы ни шла тогда речь, он услышал про времена, когда Халамширал принадлежал эльфам, – до подлого вторжения людей и жестокого разорения города. Лемет слушал эти разговоры, а потом, когда аристократ, чьи предки предали дом эльфов огню, попытался убить невинное дитя, Лемет храбро встал на его защиту. Какой эльф не поступил бы так же?

Пьер, граф Халамширал, который до тех пор прощал выходки лорда Мансерая лишь потому, что они не причиняли вреда людям, приказал направить в городские трущобы побольше стражи. Компанию эльфов, возвращавшихся домой после ночной работы, стражники подвергли унижениям и побоям. Наутро тех стражников нашли на рыночной площади мертвыми, и уши у них были отрезаны – что обычно применялось к разбойникам-эльфам.

Граф Пьер послал в трущобы своих шевалье, чтобы проучить негодяев. Шевалье прикончили с десяток эльфов, которым не хватило ума засесть дома, а на следующее утро, проснувшись, обнаружили, что кто-то перебил их конюхов и перерезал глотки лошадям.

Леди Элспет уведомила лорда Мансерая, что его визиты в поместье ее семьи более нежелательны, поскольку его вызывающее поведение так взбудоражило простолюдинов, что слуги леди Элспет не сумели купить свежих ягод для ее любимых пирогов. Когда лорд, кипя от злости, возвращался домой, камень, брошенный в открытое окно кареты, разбил ему нос.

Дворяне поумнее уехали любоваться красотами осени в свои загородные владения. Дворяне поглупее усилили охрану своих городских домов.

И понемногу, без лишнего шума весть начала распространяться из Халамширала по всему Орлею.

Для Селины дни, которые последовали за двумя подряд провалами Гаспара, проходили приятно и тихо. Она подписывала дипломатические документы, изучала отчеты, принимала изобретателей и художников, ищущих покровительства, а также взялась за подготовку бала в честь Верховной Жрицы, где та могла бы обратиться к знати и внести свой вклад в дело о разрешении конфликта между храмовниками и магами.

Между тем рыжеволосая посланница Верховной Жрицы до сих пор никак не дала о себе знать. Ни отказа, ни подтверждения от нее не поступило, и эта неизвестность терзала Селину все сильнее. Вновь она лежала без сна рядом со свернувшейся в клубок Бриалой и смотрела, как подступает рассвет.

Орлею, думала Селина, нужен еще один Мор. Не то чтобы это впрямь помогло, да она и не желала бы своей империи подобных бедствий. Бороться с Морами тяжко, но, по крайней мере, просто. Собираешь всех, кто способен сражаться, бросаешь их на порождения тьмы и надеешься, что Серые Стражи сумеют уничтожить Архидемона. Политика отходит на второй план, пусть и не сразу, но постепенно история того, как во время последнего Мора Логэйн Мак Тир неразумно предал Серых Стражей и попытался захватить власть, обросла множеством туманных деталей, но даже дикие ферелденские дворяне в конце концов оказались способны объединиться.

Если порождения тьмы хлынут из Предела Бездны и начнется новый Мор, оставит ли великий герцог Гаспар борьбу за трон и употребит ли свой внушительный военный талант на битву с врагом, который того заслуживает? Обратят ли храмовники и маги свою ярость на порождения тьмы?

Селина вздохнула. Как бы просто это ни казалось, в душе она понимала, что новый Мор разорвет Орлей на части куда беспощадней, нежели любые внутренние распри или гражданская война. Более того, каждый Мор ведет к уничтожению культурных ценностей и утрате знаний. Во время войны не строят библиотек. Ее университет, ее дворяне – те, что учатся мыслить критически вместо того, чтобы бездумно следовать по стопам своих предков, простолюдины и даже эльфы, шаг за шагом пробивающиеся к знаниям… все это будет попросту отброшено ради обыкновенной борьбы за выживание.

– Тебе надо спать, – пробормотала Бриала.

– Прости, что разбудила.

– Не извиняйся. – Бриала потянулась, при этом проведя рукой по боку Селины. – Напрасно ты не сделала этого раньше.

– Бремя императрицы, – Селина улыбнулась.

Кожа ее любовницы казалась темней на фоне сливочно-белой атласной сорочки.

Бриала перекатилась на живот и, подняв голову, прямо посмотрела в глаза Селины:

– Позволь мне разделить это бремя с тобой.

– Нет, Бриа, не позволю. – Селина обвила рукой эльфийку, стремясь лаской смягчить резкость своих слов. – Хватит и того, что ты – мои глаза и уши. Я хочу… – Селина привлекла Бриалу к себе. – Хочу, чтобы это бремя было только моим. Ради нас обеих.

Бриала мягко высвободилась из ее объятий и села, все так же не сводя глаз с Селины.

– Вы же знаете, ваше величество, что это невозможно. – Она взяла Селину за руку, легонько сжала сильными теплыми пальцами. – Ты уже дала ответ Ремашу?

Глаза Бриалы были поутру такими большими, темными. Словно смотришь в бездонный омут, умиротворяющий и глубокий.

– Ты же знаешь, что он теперь поддерживает Гаспара. – Селина вздохнула.

Они уже обсудили эту новость – бурно и не стесняясь в выражениях – вечером того дня, когда Гаспар во время охотничьей прогулки сделал Селине брачное предложение, а Бриала спасла сэра Мишеля из западни, расставленной бардом Мельсендре. В обоих случаях Гаспар

потерпел поражение, но Селина потеряла Ремаша – и эта потеря придавала ее победе неприятный привкус горечи.

– Но разве его нельзя вернуть? – Бриала крепче стиснула ее ладонь. – Если ты дашь ему согласие, ни словом не поминая о том, что он переметнулся на другую сторону, быть может, он сочтет более заманчивым править вместе с тобой, нежели служить Гаспару. Опасение разгневать тебя формальным отказом от сватовства может принудить его…

– Тогда я потеряю тебя, – сказала Селина, и от этих слов у нее перехватило дыхание. – Бриа, ты – все, что у меня есть. Все, что делает меня собой.

Она притянула эльфийку к себе, ощутила, как обвили ее теплые руки любовницы. Атлас ночной сорочки Бриалы скользнул по ее коже, словно кошка, выгнувшая спину в предвкушении ласки.

– Создатель, как же я иногда завидую тебе!

Селина тут же поняла, что говорить этого не следовало. Бриала застыла, будто окаменев, хотя и не разжала объятий, и голос ее прозвучал беспечно:

– Императрица Орлея завидует эльфийке-горничной?

– Ты знаешь, что я имею в виду. – Не размыкая рук, Селина погладила Бриалу по спине. – Ты можешь покинуть дворец, изменить свою жизнь…

– Но останусь эльфом. – Бриала ослепительно улыбнулась, но Селина знала, что она по-прежнему чувствует себя задетой.

– Да, знаю, но я… Я была рождена для того, чтобы взойти на трон. Ничто другое мне не доступно. После того как мои родители и леди Мантильон… – Селина запнулась, не договорив.

На сей раз Бриала решительно отстранилась:

– Ты могла бы стать прекрасным ученым. – Она поднялась и надела халат. – По крайней мере, могла быть таковым, пока император Гаспар не принял бы какого-нибудь спорного в твоих глазах решения. Полагаю, ничего хорошего из этого бы не вышло, – прибавила она, с улыбкой оглянувшись на Селину.

– Ты, наверно, права, любовь моя. – Селина тоже встала, набросила на плечи халат – как будто ничего особенного и не произошло. – И… я подумаю насчет Ремаша.

Бриала кивнула, надела маску и скрылась в потайном проходе за зеркалом. Селина вздохнула и потянулась за своим зачарованным чайничком.

Похоже, сегодня утром ей придется самой готовить себе чай.

Бриала обходила рынок, опрашивая своих осведомителей, когда вдруг заметила Фелассана.

– Не ожидала увидеть тебя так скоро, – сказала она, глядя, как эльф, обогнув кучку торговцев, спорящих из-за груза товаров, направляется к ней. – Какой приятный сюрприз.

Плащ наставника выглядел, как всегда, опрятно – ни следа пыли и грязи, неизбежных спутников странствий, – однако лицо Фелассана в тени капюшона было осунувшимся и усталым.

– Как бы я ни скучал по виду твоего, да'лен, очаровательного личика в маске, вернулся я по более прозаическим причинам. Что тебе известно о событиях в Халамширале?

Бриала последовала за Фелассаном в парк, где они разговаривали всего лишь несколько дней тому назад.

– Ничего, – ответила она.

Неподалеку компания богатых купеческих отпрысков беспечно топтала траву, с хохотом перебрасывая друг другу бурдюк с вином. Они неприязненно косились на Бриалу, но она сделала вид, что ничего не заметила, и так же вполголоса продолжала:

– Мои птицы запаздывают – осенью такое случается. Я не получила ни одной весточки с кораблей, пересекших Недремлющее море.

– Стало быть, я не напрасно утруждал свои древние косточки. – Фелассан устало улыбнулся. – Некий тупоумный шемленский лорд без всякой причины убил и расчленил торговца-эльфа. Самые непримиримые голоса в эльфинаже призывают к миен'харел.

Потрясение было так велико, что Бриала помимо воли рассмеялась:

– Из-за одного эльфа? Скольких наших сородичей каждый день убивают без малейшей жалости?

– Нам не дано знать, где в сухом лесу ударит молния, – ответил Фелассан, садясь на траву, – но я уже чую дым.

И он поведал Бриале все подробности, включая имена лорда и убитого эльфа, хоть это и не имело особого значения.

– Так эльфы готовят бунт? Его подавят. Это же… – Бриала осеклась и стала гневно расхаживать из стороны в сторону. – Неужели они полагают, что этим помогут императрице? Только бунта ей сейчас и не хватало!

– Друзья расчлененного торговца будут вне себя от горя. Об интересах императрицы они, безусловно, заботятся пуще всего.

– Отчего бы и нет? – Бриала круто развернулась к нему. – Она склоняет на свою сторону Верховную Жрицу, она борется с Гаспаром… и если этот бунт сведет на нет ее усилия, думаешь, под рукой Гаспара эльфам станет лучше?

– Если я чему-то и научился в жизни, так это тому, что серьезные политические перемены никогда – почти никогда – не основаны на том, что думаю я. – Он легкомысленно махнул рукой. – С другой стороны, то, что думаешь ты, может повлиять на то, как поступит императрица Орлея, услыхав эти новости. Могу тебя уверить, что в Вал Руайо эти новости еще никому не известны – разумеется, кроме тебя.

Один из купеческих отпрысков подбросил бурдюк слишком высоко, и тот пролетел над головой его приятеля. Не медля ни секунды, Фелассан сделал два шага, перехватил бурдюк, развернул и бросил обратно, не пролив при этом ни капли. Юнцам явно пришлось не по вкусу, что какой-то эльф принял участие в их забаве, однако бросок был настолько хорош, что у них хватило любезности рассмеяться и покивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.